

ИНГА КОНДРАТЬЕВА



КОРДЕЛАКИ



12+

Инга Кондратьева

Корделаки

Серия «Длинный список 2020-го
года Премии «Электронная буква»»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45712418

Корделаки: SelfPub;

Аннотация

Граф Корделаки посещает магический сеанс предсказаний, после которого все присутствующие на нём оказываются втянутыми в вереницу странных происшествий, романтических влюблённостей, тайн и приключений. События начинаются в Санкт-Петербурге летом 1820 года. В оформлении обложки использованы рисунки автора.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

81

Великие приключения происходят от малых причин.

А. В. Суворов

* * *

По всему саду разливался неотвратимый аромат капустной кулебяки. Ах, эти старосветские усадьбы, скрип половиц, суета во дворе от приезда гостя, старомодные угощения, желание угодить, идущее от самого сердца. Мило. Как мило здесь, вдали от суеты города, его грубых условностей, бездушных зачастую отношений, повсеместного торжества выгоды. То ли дело полуденный отдых перед обильным обедом в саду у гостеприимной пожилой помещицкой пары, которая ловит каждое слово столичного гостя, наперебой предлагая ему отведать «ещё и этой наливочки» из разнокалиберных графинчиков зелёного стекла. Эх! А не бросить ли всё – эти рауты и балы, сделки и векселя, верховые прогулки в утреннем парке и лёгкий флирт на балюстраде бельэтажа в сумерках на закате.

Впрочем, зачем же бросать так уж всё сразу? Прогулки и закаты вполне можно сохранить в реестре удовольствий, даже сменив стиль жизни на сельскую пастораль. Купить именье, завести холмогорочек¹. Парное молочко на столе,

¹ Холмогорка (разг.) – корова холмогорской породы.

плотные молочницы перед взором. И да что там крестьянки! Соседка! Аппетитная соседка, обладающая рядом достоинств, одним из которых всенепременно должна быть беспечность супруга и его долгие отъезды «по делам». Или все не обременённая семейными обязательствами остроумная вдовушка? Но нет. Нет! Это может повлечь за собой возникновение упрёков, предъявление претензий и ожидание обязательств. Нет. Случайность! Вот та муза, преданность которой Илья Казимирович хранит с момента вступления во взрослое половодье светской жизни. Ей он и останется верен, покуда нрав его, свободный от страстей, будет по-прежнему уравнивать силу порывов и желаний природы со слабостью увещаний и назиданий совести. Равновесие души! Вот его штандарт на грядущие годы.

Граф был молод, но не юн. Иссиня-чёрная шевелюра его была, по всей видимости, наследием от испанских или итальянских предков, а о греческой линии родства напоминал выдающийся нос – красивого рисунка, составляющий с высоким лбом почти прямую линию, лишённую ложбинки у бровей. То есть представить графа в пенсне и седым было делом явно затруднительным. Сейчас он вальяжно развалился на уютной горсти плетёного кресла в саду своих недавних знакомых и, внимая речам хозяина, наслаждался минутами передышки и покоя. Жизнь Илья Казимирович вёл довольно бурную, светскую, насыщенную, но полностью подчинённую лишь одной воле – своей собственной.

– Скажите, дорогая хозяйюшка! – обратился гость к супруге хозяина. – А спустится ли к столу упомянутая Амалия Модестовна? Или она не выходит?

Разговор за наливками только что коснулся родственницы радушных хозяев, точнее будет сказать – хозяина. Павел Семёнович Куницын был представителем рода древнего, но к периоду описываемых событий уже захудавшего. С заслуженной гордостью демонстрируя, бывало, своим гостям галерею фамильных портретов, наличие коей, согласитесь, является редкостью в средней полосе России, а не в каком-нибудь там Виндзоре, он иногда сам путался в соотношении и очерёдности многочисленных предков, число коих в прежних поколениях достигало, говорят, до пятнадцати душ.

К возрасту принятия наследства вместе с Павлом Семёновичем пришёл в здравии лишь его младший брат Пётр. Женились Павел Семёнович со своей Харитой Всеволодовной ещё по благословию стареньких родителей, а вот брата под венец вёл уже он сам. Но недолго продлилось супружеское благополучие Петра Семёновича и Амалии Модестовны. Пётр Куницын, избрав стезю служения отечеству на поле брани, честно выполнил свой долг и в своё время геройски дошёл до Парижа. Вернулся израненный, но живой, женился по душе, и почил на руках своей молодой супруги всего год назад, в семейном тепле и уюте.

Вдова поселилась в семье мужниного брата, и Куницыны-старшие души в ней не чаяли, приняв вместо дочери, так

как собственных детишек им бог не дал. Амалия Модестовна была нынче дама цветущего возраста и здоровья, и, как успел заметить при непродолжительной беседе Илья Казимирович, ещё и обладающая живым обаянием и способностью вести нескучную беседу. Этого хватило, чтобы, возвращаясь нынче из сугубо деловой поездки и следуя из некоего губернского города обратно в столицу, граф вспомнил рассказ недавних своих знакомцев об их летнем проживании в N-ской волости, и, пересёкши границу оной, свернуть с дороги в усадьбу Куницыных.

* * *

А знакомство произошло так. С неделю назад был Илья Казимирович с визитом в известном салоне баронессы Туревой. Это была молодая дама, прожившая в своё время в замужестве всего с год, обладающая характером своевольным, умом пытливым, а темпераментом взрывным. Понятие «вдова» к этой зеленоглазой стремительности применить бы мало кто осмелился – в тоске или печали её никто не видел ни дня, на приемах её грациозная фигура мелькала, энергично перемещаясь из зала в зал, а пришедшие в голову идеи воплощались незамедлительно. Внешность баронессы каждый описал бы по-своему, потому что она постоянно находилась в движении, а чего-то особо примечательного выделить в ней было сложно.

Спорить о том, была ли она красива, мы не станем, отметим только, что свойством её являлась та манера общения, которая, если не отталкивает сразу, то после второй-третьей беседы, наполненной колкостями и намёками, начинает притягивать с невероятной силой и может приковать к себе намертво. Непослушные её пряди того оттенка, что художник нарёк бы тициановым, а в простоте зовут медным, всегда норовили вырваться из любого порядка и доставляли своей хозяйке массу хлопот.

Салон Туреевой знаменит был тем, что одинокая дама вела образ жизни загадочный и от посторонних глаз сокрытый, а гости у неё бывали всё сплошь из когорты таинственных предсказателей, целителей и астрологов. Сама хозяйка владела способностью отыскивать потерянные предметы и безошибочно предсказывать брачные пары сезона. В начале зимы она устраивала вечер, на котором желающими родителями девиц на выданье вписывались на карточках имена невест. Хозяйка салона наносила на оборот имя будущего супруга, либо ставила прочерк, если считала, что девица останется в этом сезоне незамужней. Записки тут же, принародно, замуровывались в вазы и, чтобы не было соблазна сказать, что их после вскрывают для корректировки и подтасовок, раздавались уважаемым и облечённым доверием господам на хранение. На следующий год эти хранилища вскрывались, и покуда ещё ошибок не случалось. Кроме того, в обществе сложилось мнение, что любой брак, предсказанный

этим способом, обречён стать счастливым.

Завистники злословили, что всё это умение от того, что ещё покойный муж привёз баронессе из Франции колоду карт от самой мадемуазель Ленорман², и Туреева просто по цифрам рождения вычисляет наилучшие соотношения претендентов, но удостовериться в этом никому случая пока не представлялось. Госпожа Туреева умела так оборвать разговор в нужном ей месте, что собеседнику ничего не оставалось, как вовремя ретироваться без потерь, либо покорно принять перемену темы. Её побаивались, ею восхищались, к ней стремились. Попасть в салон баронессы было делом нелёгким, а постоянных её гостей можно было пересчитать по пальцам одной руки. Граф Илья Казимирович Корделаки впервые попал к ней в дом ещё будучи гусаром и достиг отношений почти приятельских, посещая салон уже наверно лет пять.

Тот вечер был посвящён одному заезжему из Москвы магу, провидящему будущее, читающему знаки на ладонях, да ещё и утверждающему свою возможность общения с потусторонним миром. Этому последователю Калиостро³, что

² **Мария Анна Аделаида Ленорман** (фр. Marie-Anne-Adé laï de Lenormand, 27 мая 1772, Алансон (Франция) – 23 июня 1843, Париж) – известная французская прорицательница и гадалка.

³ **Алессандро Калиостро** (итал. Alessandro Cagliostro, настоящее имя – Джузеппе Балзамо (итал. Giuseppe Balzamo; 2 июня 1743, Палермо – 26 августа 1795, замок Сан-Лео) – известный мистик и авантюрист, называвший себя разными именами.

опередил время на полвека в умении, которое впоследствии назовут спиритизмом. Дом полон набился вдов и сирот-бесприданниц, которые каждая либо через одну желали узнать, не оставил ли им муж или родитель неоткрытого наследства либо тайного клада.

Застолья в этом доме были не приняты, но в гостиной подавали напитки и лёгкие закуски, была устроена курительная комната и стояли два ломберных столика, а общество собиралось изысканное. Пока дамы ждали очереди на тайные сеансы личного общения с усопшими родственниками, коих собравшимся обещано было не более двенадцати за вечер, и гадали, кому повезёт со жребием, а кто уйдёт несолоно хлебавши, сопровождавшие их мужчины поигрывали по маленькой и обменивались последними сплетнями не хуже своих подопечных. Илья Казимирович затерялся среди них и исподтишка рассматривал соискательниц.

Были хорошенькие, были дурнушки и красавицы, но только две из пришедших сегодня гостей вызвали его неподдельный интерес. Первая была совсем молодая барышня, почти дитя, с белёсыми шелковистыми волосами, уложенными нынче во взрослую причёску, которая вовсе не шла ей. Тонкая прозрачная кожа её была такой белизны, что на ум сразу же приходили предания да сказания, которые в детстве перед сном ему частенько нашёптывала кормилица. То ли напомнила ему эта девица байку о поляхе-берегине, что вся в белом выйдет вдруг из зарослей спелой пшеницы на-

встречу грибникам да пройдем и будет умолять их уйти скорей не оглядываясь, потому что здесь играется свадьба. А оглянешься – раздастся топот, заблещут огненные шары среди колосьев, поднимется откуда ни возьмись ветер-ветрило да унесёт тебя за сто вёрст. То ли удивила она Илью Казимировича сходством своим с русалкой, что только что окончила песню, заманив на дно зазевавшегося парня. Что-то болезненно-надломленное было в этой барышне, будто положил на неё глаз упырь-кровопийца да покамест передумал.

Вторая дама была полной ей противоположностью – пышна, румяна и в совершенстве подходила на зримую роль доказательства сторонников теории витализма⁴. Цвет волос она имела пепельного оттенка, а глаза – то ли синие, то ли серые и с каким-то фиалковым отблеском. И, хотя никаких ярких красок в её портрете обнаружить было нельзя, все полутона были настолько гармоничны между собой, что давали ощущение свежести и природной подлинности. Жизненные силы почти осязаемым образом наполняли всё её существо, и непонятно было, что делает здесь эта роза среди увядших букетов и пыльных бумажных цветов. Илья Казимирович подсмотрел, кто из мужчин подходит к ней время от времени, и в два слова познакомился с сопровождающим её пожилым господином. Они выкурили по трубке, и граф

⁴ **Витализм** (от лат. *vitalis* – «жизненный») – учение о наличии в живых организмах нематериальной сверхъестественной силы, управляющей жизненными явлениями – «жизненной силой» (латин. *vis vitalis*) («души», «энтелехии», «археи» и проч.).

уже знал про вдову всё. Здесь она оказалась по банальной причине: вскоре, как миновал сороковой день после кончины мужа, она потеряла своё обручальное кольцо и мучилась этим невероятно. Илье Казимировичу стало почему-то приятно, что цель общения с покойным не была меркантильной или вызвана тоской. Он сошёлся с Куницыным ближе, был представлен вдове, перемолвился с нею парой фраз и уже к концу вечера получил открытое предложение навещать их имение при любой okazji.

* * *

Задержавшись в тот вечер чуть дольше остальных гостей, выразивших лично Туреевой свои восторги, Илья Казимирович дождался внимания хозяйки салона и после обязательных комплиментов спросил у неё про бледную барышню.

– Корделаки, вы неисправимы! – засмеялась хозяйка салона. – Хотите, я угадаю ещё и пару к вашему интересу? Это только что отбившая госпожа Куницына, которая не вытянула жребия и не попала на сеанс. Ведь я права?

– Вы известная сибилла⁵ и знаток душ, дорогая! Я обязательно спрошу у вас удивлённо и восторженно: «Как? Как вам это удаётся?», но сначала утолите мой первый интерес.

⁵ **Сибиллы** (сивиллы) – в греческой мифологии пророчицы и прорицательницы, предрекавшие будущее.

Потому что бледная барышня тоже собирается покинуть нас, как я вижу. Увы! – и граф притворно вздохнул. – Всем, на кого пал мой сегодняшней взгляд, не повезло и в выборе Фортуны им было отказано. Ах, ах!

– Почему вы нравитесь мне, Корделаки, так прежде всего потому, что не льстите, как большинство недалёких угодников. Да и ваш цинизм импонирует мне, он не безжалостен, а порой и напитан самоиронией. Бледная дама – дочь моего двоюродного дядьки. Да! Что вы смотрите так удивлённо? У меня тоже могут быть родственники, я живая, Корделаки.

– Пардон! – Илья Казимирович действительно на миг остолбенел. – За время нашего знакомства ни один из них даже не упоминался, поэтому мне простительна секунда замешательства, не так ли? – баронесса свысока кивнула ему и улыбнулась лишь одним краешком рта. – Так она – ваша родственница? И что же за вопрос она хочет задать вашему покойному дядюшке? Или самой богине Фортуне? Вы, я думаю, могли бы пропустить её на сеанс по-свойски.

– И не подумаю! – отвечала Туреева. – Это пошло, прежде всего. Даже справедливость здесь ни при чём. И о чём она страдает, я тоже понятия не имею. Хотите, я вас познакомлю, спросите сами?

– Хочу! – с воодушевлением ответил Илья Казимирович.

– Нет, – задумчиво похлопала себя по губам сложенным веером Туреева. – Мы поступим лучше! Пройдите в мой будуар и ждите окончания приёма. Да не тушуйтесь так, милый

граф! У меня нет на вас альковных планов.

– Да это-то меня вовсе не напугало, а обрадовало бы, – не совсем удачно стал оправдываться что-то уж больно часто сегодня удивляющийся гость.

– Пфуй! – Туреева хлопнула его веером по спине и с улыбкой непонятого назначения, по которой единственно понял Илья Казимирович, что на него не сердятся, направилась к гостям.

Расчёт баронессы был точен, и беседа с ними по обязанности не затянулась и десяти минут – отворилась дверь кабинета, который нынче хозяйка уступила для индивидуальных сеансов заезжему гастролёру, и из неё вышли заплаканная дама преклонных лет и сам нынешний предсказатель.

– Господа! И, конечно, милые дамы! Прошу прощения, – во всеуслышание вещал он, – но обещанные квоты иссякли, прошу дать отдых вашему покорному слуге.

Вокруг раздались разочарованные вздохи и восклицания, потом не охваченные предсказанием дамы обступили господина мага со всех сторон и совершенно по-детски стали кланчить у него «ещё только один вопросик задать». На то, видимо, и был рассчитан показательный выход к народу, чтобы по закону жанра осчастливить пару-тройку соискательниц, а потом уж удалиться на покой восвояси. По благостной улыбке посланца потустороннего мира было понятно, что он в уме уже отбирает тех нескольких просительниц, коих желает удостоить счастья, но тут вмешалась хозяйка.

– Дорогой магистр! – баронесса великодушно улыбнулась, а маг бросился целовать ей руку. – Я ценю ваше мужество! Вы, не щадя своих сил, отдавались сегодня интересам моих гостей. Мы все благодарим вас за это.

Раздались возгласы одобрения и поддержки. Магистр раскланялся. Туреева продолжала:

– Я понимаю, как много энергетических сил тратится во время сеансов, – маг свёл брови домиком и закивал, как бы требуя сочувствия. – Мы не смеем настаивать на продолжении. Но, быть может, у вас хватит сил выполнить мою личную просьбу?

– Я весь к вашим услугам, мадам! – предсказатель понял, что продолжения не будет и потерял к гостям всякий интерес.

– Дамы и господа, я, надеюсь, вы с пониманием отнесётесь к моему капризу, – Туреева с чуть виноватой улыбкой обращалась теперь к собравшимся. – Наш гость наутро покидает город, и мне самой хотелось бы воспользоваться его талантами. Оставьте его мне, господа! Простите и благодарю.

Никто и не подумал возражать баронессе, которая предоставляла заезжей знаменитости кров, стол и апартаменты для выступлений на всём протяжении его пребывания в столице, оставляя за хозяйкой заслуженное право на последний сеанс. Гости стали откланиваться.

– Но, постойте, магистр! – баронесса сделала вид, будто какая-то мысль только что осенила её. – Я думаю, будет не

совсем справедливо насладиться моим правом единолично. Скажите, если я попрошу вас устроить публичный сеанс, то скольких гостей вы сможете удержать своим вниманием одновременно? Обещаю, что каждый задаст не более трёх вопросов.

– Не более семи человек, госпожа, – отвечал магистр.

– Отлично! Прошу вас сделать себе небольшой перерыв и, я думаю, мы продолжим через четверть часа у меня в будуаре. В кабинете уже слишком душно. Я прощаюсь с вами, господа, и буду рада видеть у себя вновь. Приглашительные билеты вам доставят посылные.

Гости стали расходиться.

– Полина Андреевна, не желаете ли войти в наш избранный кружок? – спросила Туреева свою родственницу, выражение лица которой было таким грустным, что не понятно было – это из-за того, что не оправдались её сегодняшние надежды, или оно присуще ей по жизни.

– О господи! – прошептала та, и на лице её отразилось нечто вроде озарения или вспышки, но снова было не совсем ясно, чем это вызвано – радостью, страхом или просто неожиданностью. Спустя миг она решительно ответила: – Да! Благодарю вас!

– Полина Андреевна без меня никуда не пойдёт! – вступил вдруг в дамский разговор худощавый господин преклонных лет, одетый в костюм времён императора Павла, причём с напором и страстью, вовсе не уместными в светском сало-

не. – Я её опекун, милостивая государыня!

– Можете называть меня просто «госпожа Мария», уважаемый Ардалион Тимофеевич! – отвечала ему Туреева. – В силу вашего возраста и нашего дальнего родства я позволю вам это. Так значит это вам поручил заботы о Полине Андреевне дядюшка Андрэ?

– Какие годы! – пожилой господин доброжелательного расположения не принимал. – Сил моих сто крат хватит на завещанное Андреем. Я, право, храню к вам истинное уважение, дорогая хозяйка, но не испытывайте моего терпения, пожалуйста пониманием, будьте любезны! И какие такие родственные отношения? Нет никаких отношений. Я опекун, и только!

– Ну, будет, будет. Как вам будет угодно, я в родственницы не набиваюсь. Хорошо, вы станете четвёртым приглашённым. Надобно ещё троих, – и Туреева оглянулась по сторонам.

Из соседней залы к парадной лестнице направлялся наверно самый экзотический из сегодняшних гостей. С прямой осанкой наездника, холодным взглядом воина, трудно определимым возрастом из-за раскосого, непривычного славянскому взору разреза глаз, в богато расшитом национальном одеянии, он чиркал по мрамору пола подковами сафьяновых сапог.

– Господин Нурчук-хаир! – окликнула его хозяйка салона. – Вы ещё не ушли, к счастью. Хотите принять участие

в европейской забаве? Ведь именно для этого вы ездите ко мне, вы сами говорили.

– Почту за честь! – на хорошем русском языке отвечал тот, поклонившись.

– Могу я попросить вас, сударыня, о снисхождении? – набралась вдруг смелости одна из не ушедших до сих пор гостей, молодая дама в лиловом платье явно парижского покроя. – Не три! Обещаю – один только вопрос. Но для меня это вопрос жизни и смерти. Примите меня в свой круг, милая Мария Францевна!

– Да-да, я вас помню, – приветливо отвечала ей Туреева. – Мой покойный муж служил в департаменте вместе с вашим батюшкой, не так ли? Они вместе были с посольством во Франции. Прошу, пройдёмте. Ах, да! – и она ещё раз обвела глазами залу, которая к тому моменту совсем опустела.

– Прошу и вас, корнет! – произнесла баронесса в пустоту и не оборачиваясь повела избранных к будуару.

От камина отделилась незамеченная никем прежде фигура и последовала за ними. Как оказалось, чуть ли не с самого начала вечера там простоял, прислонившись к боковой стенке каминной облицовки и оставаясь почти недвижимым, некий молодой военный человек невысокого роста, бледный и молчаливый, сливаясь цветом лица с мрамором.

Когда узкий круг приглашённых на последний сеанс гостей расположился в будуаре хозяйки, отворилась дверь, и вошёл несколько растерянный виновник сборища.

– Право, не знаю, дорогая хозяйюшка... Ваше пожелание было столь поспешно, что, право, я затрудняюсь... Что же я здесь могу? – предсказатель растеряно разводил руками. – Все зеркала и магические предметы остались в кабинете. Если только по линиям руки?

– Уважаемый магистр! – указала ему Туреева на стопку листов и чернильницу. – И по ладоням, и по звёздам. Я, думаю, вы в своём цепком уме держите расположение многих светил, а применить его к конкретным датам рождения или событий, озвученных гостями, вам будет несложно? Можете делать записи и вычисления. Зато обещаю, что среди этого избранного общества вы сможете отдохнуть от царства мёртвых. Я прошу при мне спрашивать только о будущем, господа, не тревожа прошлое.

– Да-да, конечно! Я храню в памяти главные перемещения звёздных позиций и соотношение зодиакальных знаков, – воодушевился было магистр. – Но только на ближайшие месяцы, от силы – год. Если будут нужны долгосрочные прогнозы, то мне нужно сверяться с картами неба и производить подсчёты.

– Ну, так и давайте сами ограничим круг предсказаний ближайшим временем. Не далее года вперед. Согласны, дамы и господа? – свободно обратился к собранию кайсацкий князь, и по его виду никак нельзя было понять, насколько серьёзно относится он к происходящему.

– И вообще, господа, давайте относится к данному сеансу, как к развлечению, не более, – в тон ему продолжила хозяйка. – Вопрос – ответ. Всё просто. Кто начнёт?

– Позвольте предварить, пока кто-то решается, – снова вмешался гадатель. – Господа, составляйте свои запросы так, чтобы они касались непосредственно вопрошающего, а не иных лиц. И как можно точнее выражайте главную мысль. Начнём? Прошу, молодой человек! – и он указал на поднятую руку корнета.

– Есть женщина, которая кажется мне недостижимой. Что можете вы, магистр, сказать о ней? Это так? – во всё время тирады корнет пожирал глазами Марию Францевну, невозмутимость которой не давала ни малейшего подтверждения тому, что вышесказанное хоть как-то может относиться непосредственно к ней.

– Вы одержимы своими страстями, молодой человек, – укоризненно заметил ему маг, чей возраст уже созрел для нравоучений. – И дурно слушали меня. Только о себе просил я спрашивать у строгих завес будущего. Только касающиеся лично вас обстоятельства могут открыть звёзды! Я – всего лишь толмач с их языка на доступный вашему пониманию.

Попробуйте спросить снова.

– Простите! Скажите, снизойдёт ли ко мне благодать и расположение одной дамы, чей образ стал для меня и высочайшей наградой, и величайшим испытанием чувств. Могу ли я надеяться? – корнет так теребил в руках батистовый платок, что в этот момент тот порвался с довольно неприличным звуком и раздались робкие смешки.

– Вы слишком возбуждены, сударь! – маг, напротив, нахмурился. – Вы своими всплесками можете навредить сеансу. Остыньте пока. Я вернусь к вашему вопросу чуть позже. Но замечу прямо сейчас, что для ответа на него нужно иметь более точное понимание предмета. Прошу. Кто готов?

Воцарилась тишина, и Корделаки подумал, что пришло время оправдать доверие Туреевой. Он вызвался.

– Господин маг, не ответите ли вы на такой мой вопрос. На будущей неделе, в четверг, я выезжаю из города по делам. Увенчается ли моя поездка успехом, состоятся ли намеченные планы характера коммерческого?

Магистр явно обрадовался вразумительному вопросу, уточнил у Корделаки некоторые числа и обстоятельства – его рождения, начала упомянутых переговоров и суть направленности коммерции, дабы спросить её покровителя в зодиаке. Потом он в уме сделал некие вычисления и, улыбнувшись, отвечал.

– Уважаемый граф! Поездка порадует вас не только выигрышным торгом, но и принесёт некие плоды, не преду-

смотренные заранее и находящиеся совсем в иной жизненной сфере. Это будет встреча. Приятная встреча. Если говорить на языке звёзд, то на обратном пути вам будет покровительствовать не только Меркурий, но и Венера.

Граф поклонился.

– Можете продолжать, сударь, – магистру было явно приятно общаться с понимающим субъектом. – Ещё два вопроса с вашей стороны.

– Да, если честно, что касается меня самого, то вопросов возникает мало. Моя жизнь кажется мне хоть и не рутинной, но вполне устоявшейся. А конкретный интерес на ближайшее время я уже огласил.

– Зря вы так уверены в неколебимости судьбы, сударь, – маг хитро прищурился. – Производя сейчас некие подстановки светил в начертанный для вас на небосводе путь, я видел большие перемены в ближайшем будущем.

– Перемены? – Илья Казимирович заинтересовался. – Ну, вот и второй вопрос! Я думаю, что требовать от светил конкретных дат, имён и фактов – не умно. Но спрошу так. Какой стороны жизни могут коснуться эти перемены наисильнейшим образом? Моего места жительства, дел, мировоззрения? Может быть – финансов?

– Если быть точным, то почти всех, сударь, – на секунду возведя взгляд к потолку, отвечал гадатель. – Но верховодит этими переменами всё та же пресловутая богиня Венера. Но должен предупредить вас – до времени возможного дости-

жения гармонии, ей сильно будет препятствовать Марс.

– Марс – покровитель битв и сражений, насколько я помню? Но сейчас наш государь не ведёт военных действий, и вряд ли они возможны в обозримом будущем, – размышлял вслух Корделаки. – Тогда, видимо, имеются в виду мои собственные боевые события, личные. Дуэль?

– И это ваш третий вопрос, сударь! – кивнул магистр. – И ответ мой точен и прост. Да. Дуэль состоится, причём ещё до того времени, как ляжет снег. Не спрашивайте об исходе! Во-первых, вы исчерпали лимит предсказаний. Но даже если бы вы были хитрее и вопросы составляли более продумано, на этот я всё равно не дал бы ответа. Это не предрешиено. Это зависит от обстоятельств. Прошу, господа, подготовиться следующего, пока я с вашего позволения глотну воды.

– Ну, тогда следующая – я, – улыбнулась Туреева. – Начиная эту затею, я и не предполагала, что три вопроса о себе – это так много. Пока два, магистр. Третий я оставляю за собой.

– Прошу вас, дорогая баронесса, я весь – внимание! – поклонился маг.

– Знаете ли, моя жизнь в последнее время стала казаться мне довольно однообразной и скучной, – начала было Туреева, и в комнате послышались различные звуки и междометия, выражающие что угодно, только не согласие и одобрение.

– Побойтесь бога, милейшая Мария Францевна, – решил-

ся вслух возразить один только Корделаки на правах старого друга. – Уж вам ли жаловаться! Встречи, постоянные гости, загадки. Где уж тут скучать?

– Спасибо, что перебили, господин Корделаки, – Мария Францевна, кажется, вовсе не рассердилась. – Вы вовремя остановили меня, а то моя речь действительно становилась похожа на обычные жалобы. Я хотела не этого. А вам могу возразить, что любое однообразие приедается, будь оно хоть сто раз загадочным, праздничным или необычным для всех остальных, – тут она повернула лицо к гадателю. – Милый магистр, речь не об этом! Я просто сообщила то, что, после долгих раздумий для меня стало свершившимся фактом. Мне скучно, и я хочу поменять образ жизни. А вопрос мой таков. Выбрать мне для этого стезю чисто романтическую и с головой окунуться в бурный роман? – Корнет после этих слов задышал ещё чаще и чуть не свалился на пол, егозя на сидении стула. – Или начать важное большое дело? Оно давно зреет в моей душе, а средств у меня хватит на задуманное, я надеюсь. Воплощённые его результаты могут принести не только несколько лет созидания мне, но и пользу отечеству впоследствии. Что скажут звёзды?

– Милая баронесса, я вам и без звёзд могу сказать – выбирайте любовь! – Магистр, слушая её, даже заломил руки. – Дела оставьте мужчинам! Наслаждайтесь амурными подвигами в вашу честь, выберите себе нового спутника, ведь все положенные сроки траура давно миновали. Живите!

– Я ничего другого и не ожидала от любого мужчины, – засмеялась баронесса. – Именно поэтому я прошу совета не у вас, а у расположения звёзд. Что говорят они?

Если маг и обиделся, то виду не показал. Он подошёл к столику и, сделав несколько записей, провёл между ними длинные стрелы. Задумался.

– Баронесса, ваш путь так запутан и так зависит от других людей и обстоятельств, что чёткой картины я не вижу. Единственное, о чём могу сказать с уверенностью, это о том, что планета Венера верховодит в течение всего обозначенного нами для предсказаний периода. И она согласна со мной. Но вы желаете точности. Позвольте посмотреть на вашу ладонь?

– Прошу! – отвечала Туреева, смело протягивая магу руку, и он довольно долго её рассматривал.

– Нет, дорогая баронесса. Никаких дел в ближайшее время я вам начинать не советую. Да это и не удастся. Как я уже говорил, совсем скоро вас затянет водоворот встреч, путешествий и событий, не всегда от вас зависящий. Пока этот клубок не размотается, ни о каких долгосрочных проектах можно даже не думать. Простите, если не угодил.

– Да что вы, милый мой. Не вы же движете светилами! – снова рассмеялась хозяйка. – Я на вас вовсе не сержусь. Но я в растерянности. Мой второй вопрос зависел от того, какой из двух путей вы мне предскажете. Я уступаю место следующему соискателю. Может быть, вы, мадемуазель? – обратилась она к даме в лиловом. – Вы так настаивали. Может быть,

вы просто не решаетесь? Прошу вас!

– Да, действительно. Благодарю! – сдавленным голосом произнесла та. – Как я и говорила раньше, я согласна на один всего лишь ответ. И это действительно касается жизни и смерти. Уважаемый предсказатель! Можете ли вы с точностью сообщить мне – жив ли один человек? От этого зависит... Зависит судьба трёх человек. Их жизнь!

– Дорогая моя, не могли бы вы уточнить, кем именно этот человек доводится вам? – Дама покраснела и замотала головой, и маг растерянно продолжал: – Дело в том, как я и говорил раньше, я могу увидеть предписанное лишь тому, кто непосредственно присутствует на сеансе. Я не отказываю вам в ответе, мадемуазель, просто мне нужны зацепки. Факты. Как это всё соотносится с вами лично?

– О! Может быть, поможет это? Я спрашиваю про молодого мужчину, у него синие глаза и тёмно-каштановый цвет волос. Непосредственно со мной он расстался три месяца назад, уезжая по незначительному поручению. Он обещал вернуться не позднее, чем через две недели после отъезда. И с тех пор от него нет даже письма.

– Писем нет, – задумчиво и как бы прикидывая что-то в уме проговорил маг. – Но, может быть, у вас есть иные предметы, которых касался он непосредственно, или вещь, принадлежащая ему ранее?

– О, да! Вот, прошу вас! – дама сняла с руки и протянула магу кольцо.

Тот покатал его в руках, как пасхальное яичко, потом застыл на время, зажав кольцо между ладонями, потом прижал его плоской верхушкой ко лбу. Эти манипуляции, на удивление, вызвали неподдельный интерес прежде невозмутимого Нурчук-хаира.

– Ваш протеже жив, – вещал маг.

– Жив! – обрадовалась сиреневая барышня и тут же сникла. – А почему же тогда он не вернулся? Мы ещё увидимся с ним? Когда?

– Вот видите, сколько вопросов! – магистр отнял перстень от лица и теперь потирал глаза пальцами другой руки, как будто от сильной усталости. – Не спешите, мадемуазель, не всё так радужно. Его жизнь уже подвергалась, да и сейчас находится в постоянной опасности. Рядом с ним неотлучно присутствует какая-то женщина.

– Женщина! – дама в лиловом схватилась за горло, как от удущья. – С ним – женщина? Это невозможно!

И она свалилась в обморок так быстро, что никто даже из сидящих рядом не успел её поддержать. Шаль змеёй соскользнула с её плеч, и с тихим звуком упали на паркет веер и маленький расшитый бисером мешочек с руки. Первыми к ней бросились корнет и Корделаки. Они вдвоём пытались поднять даму с пола, но только мешали друг другу.

– Корнет, встаньте! – распорядилась хозяйка, чтобы унять суматоху, затем указала на закрытую дверь в соседнюю комнату. – Граф, отнесите её в мою спальню.

Корнет, услышав про спальню, весь затрясся и нервно утирал теперь пот со своего лба.

– Корнет, соберите её вещи и сопроводите нас. Господа, мы вернёмся, как только устроим нашу подопечную. Кто-нибудь! – баронесса позвонила в колокольчик и тут же прибежала горничная. – Воды в мою спальню. Быстро! И пошлите за врачом.

* * *

Они вернулись втроём где-то через четверть часа. За время их отсутствия в будуаре почти не нарушалось молчание, все прислушивались к суете за стеной. Только раз Ардалион Тимофеевич позволил себе язвительное замечание сквозь зубы:

– Не хватало только вляпаться в столичный скандалчик. Всё ваши капризы!

– Я просила вас только доставить меня сюда. Посещение сеанса было вашим собственным желанием, – не совсем почтительно для подопечной отвечала ему бледная Полина Андреевна.

Нурчук-хаир с усмешкой наблюдал за этой сценкой, а магистр, пользуясь передышкой, откинулся в кресле. Но вот все, за исключением потерявших сознание, снова собрались в будуаре.

– Прошу вас, корнет, – предложила хозяйка слово молодого

му военному человеку, после того как все расселись по своим местам. – Надеюсь, происшествие отвлекло вас от излишней одержимости, и вы сумеете спокойно и коротко сообщить нашему магистру ваши чаяния?

– Да, баронесса, вы так добры, – кусал губы молодой человек. – Я, собственно, остаюсь при своём интересе, уважаемый предсказатель. Какие уточнения вы пожелали бы знать?

– Любые, связующие предмет вопроса с вами. Когда последний раз видели, может быть, знаете примерное удаление от вас на сегодняшний день, её место положения? Также пригодились бы – описание, или, быть может, какая-то её вещь, переданная вам?

– О, боже! – корнет снова потёр лоб и скривил рот в какой-то загнанной улыбке, а потом стал озираться по сторонам – Когда мы расстались? Да мы же... Нет! Никаких предметов она мне не давала вовсе. Разве об этом можно даже помыслить! Но их столько...

– Корнет, одумайтесь! – Корделаки понял, что сейчас может произнести этот влюблённый сумасброд, и только молил бога, чтобы о том же не догадались и остальные присутствующие.

– Какого чёрта! – взбеленился корнет.

– Я просто хотел напомнить вам, сударь, что в пылу страстей вы можете нанести удар репутации предмета вашего, так сказать, вожделения, – тут граф произвольно глянул на хозяйку, та смотрела прямо на него, а вовсе не в пол и не на

корнета, как он опасался. Илья Казимирович продолжил уже спокойней и более размеренно, на ходу подбирая аргументы. – Если вы дадите нашему предсказателю описание места, где может находиться ваша дама среди множества других людей, то это вряд ли поможет гаданию. Если же вы определите её место расположения с непререкаемой точностью, то сомнений в том, кто она и где находится, не останется не только у магистра, но и у всех присутствующих. Поберегитесь!

– Сударь! Вы мне угрожаете? – разъярённый корнет вскочил со стула и схватился за рукоять сабли.

– Сядьте, корнет! – Туреева сделала успокаивающий жест рукой в его сторону. – Право, господа, прошу у вас прощения. Я, видимо, ошиблась, пригласив корнета и понадеясь на его разум. А вы, молодой человек, если прислушаетесь, то поймёте, что граф во многом прав. Спрашивайте о себе, чёрт побери!

Почти укрощённый её словами, корнет снова плюхнулся на стул, но желваки ходили у него под кожей, и он всё ещё поскрипывал зубами и бросал разъярённые взгляды в сторону непрошенного советчика.

– Дорогой магистр! – сквозь зубы съехидничал корнет. – Оставим дам в покое, ей-богу! Вы тут предсказали дуэль одному из гостей. Мой вопрос! Может быть, звёзды расположены так, что я тоже буду принимать в ней непосредственное участие?

– Покажите вашу руку, молодой человек, – маг всего лишь мгновение подержал ладонь юноши в своих руках. – А ведь вас тоже ждут разительные перемены. Вы остепенитесь, молодой человек. Заведёте семью.

– Я не о том вас спрашиваю, что будет через сто лет! – снова вспылил корнет, вырывая руку. – Я задал конкретный вопрос, ведь именно таких вы, кажется, жаждали?

– Ах, да, та дуэль, – магистр поджал губы. – Ну, что ж. Да! Вы будете участвовать в том поединке. Несомненно! – корнет тут же, со взглядом победителя взглянул на докучавшего ему Корделаки, но маг продолжал: – И всё же, вы, видимо, очень забывчивы, сударь. Никаких ста лет. Всё сказанное сегодня сбудется в течение одного лишь года. Кстати, ваша будущая избранница находится в эти дни в непосредственной близости от вас. Это я тоже вижу! Вот вам от меня вместо первого утраченного вопроса. Так-то! Будет ли третий?

Сказать, что корнет был удивлён, это погрешить против истины. Он был совершенно ошарашен, контужен, если хотите. Он находился после слов мага в некой прострации и не понимал радоваться ему, возмущаться или злорадствовать по поводу напрасных усилий соперника. А на данный момент он уже полностью перевёл Корделаки в стан соперников. Остальные участники собрания смутно чувствовали какую-то неловкость положения, но, благодаря полнейшей невозмутимости хозяйки, напасть на след никак не могли.

– Последует ли третий вопрос, молодой человек? – терпе-

ливо вопрошал маг. – Или отложим?

– Потом, потом, – отмахнулся корнет, смакуя весть о скором воссоединении с дамой сердца.

– Ну-с, кто следующий? Может быть, вы, господин? – обратился магистр к Ардалиону Тимофеевичу.

– Я в балаганах участия не принимаю, милостивый государь, – брезгливо ответил старик. – Я здесь нахожусь исключительно по зову долга, неся ответственность за вверенную мне душу. Прошу вас, сударыня, насладитесь! Ведь за этим вы тащили меня через полстраны?

– Всего-то – вёрст двести или чуть больше, – не захотела смолчать его подопечная.

– Двести семьдесят восемь, если быть точным, – барон, видимо, привык, что последнее слово всегда должно оставаться за ним. – И помните данное вами обещание!

Он хотел сделать некий широкий жест в сторону Полины Андреевны, но тут трость выскользнула из его потных рук и со стуком брякнулась о паркет. Только что униженный магистр, хоть был и не молод, но тут же метнулся поднять палку старику, тем самым указав ему на возраст, чтобы хоть как-то быть отмщённым.

– Прошу вас, вот ваша опора, – с изысканной любезностью поклонился маг, но тут лицо его переменялось, видимо, даже за те короткие мгновения, что предмет пребывал в его руках, он успел что-то сообщить о своём хозяине. Маг не удержался от ехидного замечания: – А опекунство-то ваше ненадолго!

– До конца октября, если быть точным, – насмешкой скривив рот, отвечивал опекун. – Не пытайтесь меня эпатировать, шут вы этакий!

– Но позвольте! – Магистр был возмущён, а подопечная Ардалиона Тимофеевича побледнела, кажется, ещё сильнее, если таковое возможно. – Опекунство не имеет временных пределов, а сроков своей жизни не может знать никто. Даже вы, милостивый государь! Это вы и пытаетесь нас эпатировать, выказывая такое пренебрежение к неизбежному!

– Ну, вот! Теперь вы меня уже и похоронили! – жутко неприятным смехом зашёлся старик. – Этому не бывать. Статус опекунства изменится на... Но, довольно! Вы залезли на абсолютно частную территорию, сударь! Вы не имеете никаких прав обнародовать любые сведения, даже мнимые или воображаемые, но касающиеся меня и моей чести, если я сам не потребую их от вас.

– Нет уж, милостивый государь! – не на шутку разошёлся обиженный маг. – Вы делаете посмешище из моего искусства, причём именно, что принародно. Так извольте ж дать мне возможность защищаться! Сударыня, прошу вас подать мне вашу руку, – обратился он к Полине Андреевне и та, как заворожённая, протянула ему ладошку. Маг дотронулся до неё, перевернул вверх линиями судьбы, но тут старик вскочил с места и замахнулся на магистра тростью. Ладонь девушки выскользнула из пальцев гадалеля, он отскочил в сторону.

– Право слово, господа! – хозяйка всерьёз озаботилась происходящим. – Ну не ведите себя как взбалмошные дети! Это переходит уже все границы приличия. Милый магистр, успокойтесь. У вас здесь достаточно почитателей, которые верят в ваши умения и восторгаются ими. Каждый имеет право на своё мнение, простите барона Качинского.

Услышав это имя, почему-то внимательней взглянул на старика Нурчук-хаир. Потом он перевёл взгляд на его подопечную. Но тут же снова потерял к ним всякий интерес, вернувшись в свою бесподобную, чуть насмешливую бесстрастность. Но маг не смог так сразу успокоиться, страсти кипели не слабые нынче.

– Не статус опекуна поменяет барышня, а...

– Я сказала, довольно! – прервала его Туреева. – Вы забываетесь. Прошу продолжить сеанс, но только с согласия каждого, и только в рамках оговорённой им темы. Спасибо, магистр. Не обижайтесь.

Тот отошел к окну, потом к столику, выпил воды и вернулся.

– Простите, господа. Прошу вас, мадемуазель!

Полина Андреевна покосилась на опекуна и еле слышно произнесла:

– Если уж так вышло. Если мне всё же выпал жребий попасть на этот приём, то я спрошу... – Она, довольно надолго замолчала, потом подняла глаза и продолжила, как бы через силу: – Я имею некие обязательства, которые тяготят меня.

Есть ли возможность избежать... Можно ли как-то отказаться от обещанного? Или...

– Вы дали слово! – сквозь зубы процедил её опекун. – Честное благородное слово!

– И я сдержу его! – почти со слезами воскликнула Полина Андреевна. – Вы всё присваиваете себе, барон. Всё, что видите и слышите! Я, может быть, говорю вовсе о другом нынче!

– И о чём же, позвольте узнать? – старик перешёл от угроз в тон насмешливый. – Перед кем это у вас могут быть ещё какие-то обязательства без моего ведома?

– О господи! Это невыносимо! – вздохнула Полина Андреевна и с тоской посмотрела по сторонам, как бы ища поддержки или одобрения.

– Сударь, раз вы изволили дать своё согласие на данную забаву, то уж держитесь достойно, – не выдержало нежное сердце корнета. – Не обижайте барышню, дайте ей дослушать!

Барон не повел даже бровью, на голос не обернулся и не изволил заметить сей реплики. Лишь поморщился, как если бы над его ухом прожужжал комар или иная незначительная мошка. Но воцарившаяся тишина дала магистру возможность продолжать.

– Милая барышня, как я уже говорил ранее, всем обозримым периодом будет руководить владычество сил Венеры, но тропы её очень извилисты. Поэтому если ваше обещание

касается дел амурных, как я могу догадаться, исходя из вашего возраста, а значит и интересов, то ясности там нет никакой! Всё меняется от действий, поступков, а иногда даже слов или мыслей людей, связанных с вами многочисленными нитями. Вы бы могли рассмеяться, узнав, какое на самом деле влияние оказываем мы порой одним лишь взглядом на изменение судьбы случайного прохожего. Или соседа по креслу в театре. Или даже на тех, кто случайно оказался на одном сеансе предсказаний. Простите, тут я бессилён. Спросите что-нибудь более конкретное.

– Нет-нет! – бледнея всё явственней, отвергла подозрения мага Полина Андреевна, и Туреева испугалась, что вот-вот получит второй обморок в доме и дурную славу своим вечерам. Хотя последнее волновало её меньше всего. Полина Андреевна продолжала с какой-то горестной усмешкой: – Нет, к любви моё обещание точно не имеет никакого отношения. Так что же? Избежать условия нет никакой возможности?

– Вы говорите загадками, милая барышня, – явно симпатизируя ей, мягко отвечал маг. – Но, позвольте вашу руку ещё раз? Да. Вижу. Вы были поставлены перед жестоким выбором и дали слово под давлением. Но от этого оно не становится менее крепким. Избежать его вам может помочь только единственное обстоятельство. Единственное!

– Какое? – шёпотом спросила девушка.

– Всё то же пресловутое покровительство Венеры, – грустно улыбался ей маг. – Любовь! Истинная и чистая любовь,

мадемуазель.

Опекун презрительно хмыкнул себе под нос.

* * *

– Ну-с, вот очередь дошла и до вас, господин Нурчук-хаир! – хозяйка наклоном головы указала на предсказателя князю, и тот улыбнулся ей с достоинством равного и приятного собеседника. – Удивите нас точностью азиатских формулировок, прошу.

– Как прикажете, госпожа, – Нурчук-хаир развернулся всем телом к гадалщице: – Я спрошу сразу о трёх вещах. Цвет. Цифра. Цель. Всё остальное я сам пойму, исходя из годового ограничения.

– Вот это краткость! – восхитился корнет. – Позвольте позаимствовать у вас один из вопросов, сударь?

– Расстанусь с ними без всякого сожаления, – глаза азиата стали, кажется, ещё уже. – Но первенство ответа за мной.

– Так точно! – корнет как лицо восторженное и подвластное впечатлениям, по всей вероятности, попал под обаяние необычного гостя и глядел на него теперь взглядом восхищённым. Маг улыбался.

– Не совсем ясен третий ваш интерес, князь, но мы дойдём и до него. На первый вопрос ответ «красный». Число... Цифру надо бы уточнить...

Он подошёл к столику и начертил что-то на листе, а после

порвал его на две примерно равные части. Каждую из них он сложил пополам, написанным текстом внутрь и, зажав между пальцев, предложил на выбор гостю. Тот, не колеблясь, взял правую половину, развернул и рассмеялся.

– Благодарю вас, добрый господин! – сказал он магу.

– Вот именно так только и возможно относиться к этому представлению! – скривился в подобии улыбки и барон Качинский. – Наша хозяйка права – потеха, развлечение, фарс. Это смеху подобно, и только! И вы замечательно делаете, что потешаетесь, сударь. Такая отсталость в выборе досуга среди нашей молодёжи, вероятно, рисует всё российское общество в ваших глазах неким ортодоксом? В наши времена предпочтения отдавались более благородному препровождению времени, мы все свои порывы посвящали служению государю и Отечеству. Ах, право, иногда становится совестно за новое поколение!

– Если вы изволите обращаться ко мне, барон, – отвечал ему Нурчук-хаир, – то позвольте сначала представиться, мы незнакомы: князь Нурчук-хаир. Я родился в России, сударь! Мой отец приехал сюда впервые более сорока лет назад. И я довольно хорошо знаю и страну, и людей разного возраста в ней. В силу моих задач – а я уже многие годы продолжаю переговоры с государем, начатые ещё моим батюшкой – я вхож в различные сферы жизни, причём не только столицы. И я рад заметить вам, милостивый государь, что патриотов среди нынешнего поколения не стало меньше. Я видел нема-

ло достойнейших молодых людей, которыми Россия вправе гордиться. Но моё мнение таково, что всему в жизни должно быть отведено своё время и место. Человек, который наслаждается итальянской оперой на театре не перестаёт в это время любить свою родину, как мне кажется. Просто сейчас мы собрались здесь по определённом поводу.

– Ну да, ну да, – Ардалион Тимофеевич всё никак не сдавался. – Именно поэтому вы изволили обсмеять этот жалкий фокус? Будто бы вам что-то действительно говорит вытянутая цифра! Пф! Да под любое число можно подвести что угодно и выдать за предсказание!

– Например? – спокойно спросил азиат.

– Ну, например, если шесть, то столько будет щенков в помёте, если тысяча, то пудов в амбаре.

– Я знаю, что за выбор был сделан мной только что, – со спокойным достоинством отвечал князь. – Я смеялся лишь количеству усилий, вложенных в одно дело, хотя всё может оказаться гораздо ближе и проще, судя по этой цифре. Я смеялся не над самим предсказанием, а над собой. Над той иронией, с которой поступает судьба с нами, независимо от наших усилий. Поверьте мне на слово, барон, но особенно всё это веселит меня в вашем присутствии. Предвидя ваше возмущение, я заранее приношу извинения, но не скажу, отчего так. Оговорюсь только сразу и заверяю всех присутствующих – ничего вас порочащего я в виду не имею. Я не собираюсь во всеуслышание заявлять о сути этого моего интереса,

но десятикратная разница в числах могла бы убедить вас в осознанности моего понимания? Магистр, будьте любезны, предьявите другой жребий!

Тут князь развернул вытянутую им бумажку и показал собравшимся. То же самое проделал и маг, хотя оставшуюся у него часть листка он уже успел скомкать. На одной половине было начертано число двадцать восемь, на измятой части – двести восемьдесят. Барон Качинский весь пошёл красными пятнами, но никто не стал больше уделять конфузному инциденту внимания.

– Итак, цель? – продолжил воодушевлённый магистр. – Уточните, что вы имели в виду, сударь? Грубо говоря, куда или на что вам направить тетиву лука или какой тропой легче дойти до мишени?

– Что именно, мне ведомо, – кивнул Нурчук-хаир. – Как быстрее и лучше достичь, это я и хотел сказать. Так что по вашему сравнению точнее будет – про тропу.

– Можете показать мне вашу руку, князь? – спросил гада-тель.

– Вынужден отказать вам в этом, простите, – с мягкой улыбкой, но очень твёрдо отвечал Нурчук-хаир.

– Даже не буду спрашивать почему, – чуть склонился в поклоне магистр, видя достойного собеседника, не желающего раскрывать свои тайны. – Тем более – настаивать. Я знаю в силу рода своих занятий, как иногда оказывается, что просишь у судьбы проводника, а она подсылает к тебе пала-

ча. Осторожность – часть мудрости. Может быть, тогда в моих руках могла бы оказаться какая-то вещь, связанная с той миссией или дорогой, что уже ведут вас к цели?

После секундного замешательства князь достал из потайного кармана эмалевый медальон весь усыпанный драгоценными камнями и протянул магистру. Тот проделал с ним уже известные нам манипуляции и вернул владельцу. Барон Качинский побледнел не хуже своей подопечной.

– Женщина! – вещал предсказатель. – Вас поведёт женщина. Следуйте за ней неотступно и слушайте во всём. Она приведёт вас туда, куда вы стремитесь быстрее всех богинь и покровителей. А узнать вы её сможете...

– Благодарю! – прервал его с улыбкой князь. – Вы уже подсказали мне способ, я узнаю.

Маг удивлённо сдвинул брови, припоминая весь разговор, но так и остался в недоумении. Тут не выдержал долгого забвения корнет:

– Магистр! За мной ещё один вопрос. Я беру вопрос князя – назовите мне цвет!

Предсказатель вздохнул, закатил глаза к потолку и побрёл к столику собирать разбросанные бумаги. Уже почти прибравшись, он, как бы между делом, произнёс:

– Белый. Из двух предложенных вам к выбору цветов выбирайте белый, молодой человек. Ну что, дамы и господа? – магистр выпрямился и приложил одну из ладоней к сердцу. – На этом мы простимся, или у кого-то остались невыяснен-

ные моменты?

– За мной остался один вопрос, – улыбнулась ему хозяйка. – Но его я задам вам под строжайшим секретом! Доброй ночи, господа! Благодарю за великолепный вечер. Корделаки, если можете, задержитесь на пару минут, у меня к вам будет поручение.

– Я тоже весь к вашим услугам, баронесса! – метнулся к ней корнет.

– Благодарю, я всегда помню об этом, милый Серж, – мягкой улыбкой остановила его хозяйка. – Обещаю прибегнуть, но не сегодня. Прощайте!

Она вышла из будуара вместе с графом, за ними магистр. Понурому корнету, оставшемуся в одиночестве, не оставалось ничего, как сойти по лестнице вслед за остальными гостями. Спускаясь, он всё время оборачивался и метал молнии взглядов в сторону Корделаки, который оставался в верхнем этаже. Хозяйка подошла к магистру и что-то кратко спросила его на ухо. Тот снова попросил у неё посмотреть ладонь, она дала, и предсказатель тут же ответил утвердительно. Баронесса улыбнулась. Маг откланялся.

* * *

– Благодарю, что выполнили мою просьбу и задержались, – Туреева после ухода гостей стала как-то мягче и, если такое слово применимо к этой женщине – «домашней».

Корделаки принял это за тот факт, что она сбросила излишнее напряжение, которое любой человек надевает как маску перед скоплением народа. Ему было отчего-то приятно так думать, ведь это указывало не некую степень доверия. А быть в доверии у такой персоны как баронесса, граф почитал за честь. Но, однако, часы уже пробили три четверти второго ночи. Баронесса, как будто читала все мысли по его лицу, потому что слегка усмехнулась и спросила:

– Вы же не боитесь быть скомпрометированным, граф?

– Ну, что вы, баронесса! – всё ещё полушутливо отвечал он ей, хотя заметил, что привычное обращение к нему по фамилии, она в этот раз заменила титулом.

История возникновения между ними этого фривольного, почти панибратского обращения уходила корнями в самое начало их знакомства и ни о чём не говорила окружающим. Это было просто результатом забавного случая и ничего более. Баронесса позволяла себе такую вольность с ним только без свидетелей и тем показывала графу его приятельское положение у неё в доме. Хотя от одной только её интонации смысл произнесённого слова мог изменяться до противоположного, и граф никогда не мог понять, когда она начинает злиться, а когда просто потешается над собеседником.

– Ради вас я готов на всё, даже на угрожающие мне перемены всего и вся, как наобещал мне сегодня ваш маг, – продолжил граф и бросил на баронессу вопросительный взгляд: – Или магистр? Вы ведь так его называли? Почему?

Это же вовсе разные вещи, не так ли?

– Он один из первых, кто ещё год назад получил это звание новым российским установлением, – отвечала Туреева, жестом приглашая графа проследовать в комнаты. – Он действительный магистр. Магистр философии. А то, что наш гость демонстрировал сегодня – занятие по велению его души. К тому же, не скрою, оно приносит ему доход больший, чем философские трактаты. А я расположена к этому человеку и хотела помочь. Имея такую возможность, я использовала её, устроив ему ряд вечеров в столице. Но, полно! Мы с вами сегодня непозволительно много шутим о вещах, которые могут на эти шутки ответить. Довольно. Я попросила вас остаться, потому что видела, насколько внимательно наблюдали вы сегодня за моими гостями.

– А вы, видимо, ещё внимательнее за мной? – граф сказал явную глупость и тут же сам понял это по румянцу, покрывшему кожу щёк баронессы. Он перестал испытывать её терпение. – Простите! Видимо, сказывается усталость. Я сказал непозволительную дерзость.

– Вы устали? Ах! Надо было оставить корнета! – баронесса явно злорадствовала.

– Ну, не казните! А то я не посмею сказать более ни слова! Смилуйтесь! – граф припал на колени и покаянно повесил голову. – Я весь полон сил, внимания и готов выполнить всё, что вы пожелаете.

– Хорошо, – Туреева хлопнула его сложенным веером по

плечу. – Вы прощены, поднимайтесь. Ваша сегодняшняя наблюдательность очень мне на руку. Скажите, кто сопровождал гостью, что лежит сейчас в моей постели под опекой доктора?

– Не припомню ни разу, чтобы она за вечер перемолвилась словом хоть с одним мужчиной. И никакой компаньонки с нею рядом я не заметил, – Илья Казимирович озадаченно нахмурился. – Похоже, она приехала без сопровождения?

– Вот и то, что никого не осталось в залах, все разъехались, а о ней никто так и не спросил, говорит об этом, – баронесса вздохнула. – Просьба моя состоит в том, что я попробую сейчас расспросить её, если она в состоянии говорить, а после надо будет сообщить её родственникам или домашним. Или сопроводить до дома, если разрешит врач. Об этом я вас и прошу. Вы сможете всё сделать наилучшим образом с вашими тактом и деликатностью. Съездите?

– Всенепременно, – отвечал граф, взглядываясь в лицо баронессы после её последних слов про деликатность и не понимая, не продолжает ли она поддевать его.

Но нет, кажется, это было сказано на полном серьёзе.

– Тогда располагайтесь, Корделаки! – Туреева указала на маленький столик. – Вон там фрукты и шампанское. Может велеть подать чего-нибудь посушественной? Ну, как хотите. Я не знаю, как быстро смогу получить от пациентки нужные нам сведения, всё-таки она не совсем здорова. А я даже имени её не знаю, только то, что она дочь академика де Вилье.

Ну, ждите!

* * *

Баронесса еле слышно отворила двери в собственную спальню и вошла, уже на пороге без слов обратив вопросительный взгляд на лекаря. Тот покачал головой.

– А что, доктор, приходила она в себя хоть ненадолго? – шёпотом спросила хозяйка.

– Приходила, но толком ничего не сказала, – так же в полголоса отвечал тот. – Мечется, как в бреду. Но жара нет.

– Что скажете, будет возможность отвезти её домой?

– Хотя я не вижу явных признаков какого-либо недуга, – врач машинально почесал переносицу, сдавленную пенсне, – но я не советовал бы её сейчас подвергать любым усилиям. Слишком сильным было душевное потрясение. Если есть возможность, дайте ей полежать до утра, пусть поспит – я дал ей успокоительных капель.

– То есть вы хотите сказать, что она здорова? – с надеждой спросила Турева.

– Конечно, ведь данное состояние отклонением от нормы в медицине не считается, – улыбнулся ей врач.

– Как? Потеря памяти и последовавшая за этим беспомощность стали считаться нормой, дорогой доктор? – баронесса удивлённо округлила глаза. – Это новости в медицине, по крайней мере для меня.

– Я не то имел в виду, – доктор теперь протирал снятые очки салфеткой. – А кем доводится вам данная особа? Она ваша родственница?

– Нет, она моя гостья, – отвечала Туреева удивлённо. – Но какое это имеет значение для постановки диагноза, простите?

– Дело в том, – врач оглянулся на больную. – Дело в том, что состояние вашей гостьи я назвал бы... деликатным... Отсюда и обмороки. Но, смотрите – она приходит в себя.

– Доктор, не могли бы вы оставить нас наедине? – спросила хозяйка, если и удивлённая словами врача, то никак не изменившая своего заботливого отношения к лежащей на постели женщине.

– Да-да, и я бы отдохнул, с вашего разрешения?

– Вам покажут комнату, прошу. Вы же не оставите нас и останетесь до утра?

Доктор поклонился и вышел, уведённый вызванной горничной, а Туреева присела прямо на край кровати.

– Милая, вы меня слышите? – Мария убрала со лба лежащей дамы прядь волос, которая падала той прямо на глаза. – Вы можете отвечать? Хотя бы кивните.

– Могу, мне просто очень стыдно за доставленное беспокойство, – отвечала больная, чуть повернув голову к Туреевой, и слеза выкатилась из уголка её глаза.

– Бросьте! Что за глупости! А вот вам вовсе не нужно волноваться ни о чём сейчас. Вам в вашем положении нужно

соблюдать спокойствие.

– О, боже! – дама в лиловом прикрыла рот ладонью. Когда её укладывали, то расстегнули ворот платья, но раздеть полностью так никто и не посмел. – Это доктор вам сказал? Я пропала!

– Никуда вы не пропали, – Мария говорила с ней терпеливо, как с ребёнком, и приветливо улыбалась. – Наоборот, вы скоро продолжитесь в вечности, милая. А что до вашей тайны, она так ею и останется. Просто теперь вы не одна, у вас появился друг, и вместе нам легче будет помочь и вам, и вашему малышу сохранить и здоровье, и достоинство, и секреты. Ведь это не единственный ваш секрет, я угадала?

– Да... Но как вы... Ох, простите, я так плохо соображаю нынче, – больная смахнула влагу с ресниц. – Спасибо вам, милая Мария Францевна. Папа всегда говорил о вашей семье только в восторженных выражениях. Вы очень добры! Вы не судите меня за мою... легкомысленность?

– Я хочу вам помочь! – рассмеялась хозяйка. – Судебные и иные разбирательства давайте оставим на потом. Для начала назовите ваше имя, дорогая госпожа де Вилье. И почему про вашего батюшку вы говорите в прошедшем времени? Насколько я помню, это ещё вполне цветущий мужчина, надеюсь, он здоров?

– Более чем, – отвечала де Вилье. – Просто наши отношения несколько... Мы отдалились друг от друга. Дело в том, что три года назад отец повторно женился. Его избранница

всего на пять лет старше меня, но мы с ней так и не сошлись близко. Не то, чтобы я её совсем не приняла, я, конечно же, хочу счастья своему отцу. Просто нам было очень сложно ужиться с ней вместе – я хотела сохранить многое из того, к чему привыкла с детства – уклад в доме, мебель, предметы. Как было при матушке. По шутке фортуны новую супругу отца зовут так же, как и меня, Елизаветой. Две Елизаветы де Вилье оказались полными противоположностями по вкусам. Она желала менять всё, начиная от посуды и заканчивая обивкой, чтобы не оставалось никаких воспоминаний о прошлом. Отец очень мучился от нашего несогласия, и наконец мы нашли компромисс. Уже второй год я живу, вроде, как и в семье отца, но в отдельном флигеле со своим штатом слуг. То есть я пользуюсь полностью отцовскими конюшнями и кухней, но прислуживают и наводят порядок те, кто придерживается моих вкусов. Поверьте, так стало проще всем. И мы... И мы почти подружились с моей мачехой. Теперь иногда даже выезжаем вместе – в оперу или на приёмы.

– Но сегодня у меня вы были без компаньонки, не так ли? – спросила баронесса.

– Да. Я думала в толпе гостей этого никто не заметит. Мне удалось раздобыть приглашение к вам, но через друзей, а из семьи никто об этом не знал. Потому, что... Потому, что...

– Потому, что мы подходим к самому деликатному моменту, не так ли? – Туреева смотрела на свою визави спокойно и серьёзно. – Вы расскажете мне вашу историю?

– О, боже! – Елизавета де Вилье полностью скрыла своё лицо в ладонях. – Боюсь, у меня нет другого выхода. И я так устала мучиться сомнениями в одиночестве! Тем более, что ещё недели две-три – и скрывать происходящее станет невозможно. У меня больше нет сил, и я хочу, чтобы ситуация разрешилась уже хоть каким-нибудь образом.

– Вы неправы про сокрытие тайны, – вслух размышляла Туреева. – Можно найти повод и отправить вас в деревню. Правда время не подходящее, лето кончается, вот-вот зарядят дожди.

– Господи! – заломила руки Елизавета де Вилье. – Да что мне за дело до дождей! Я б уехала куда угодно – хоть в глушь, хоть в тюремный замок, лишь бы там знать, что с ним всё в порядке.

– Ну, вот мы и добрались до героя нашего романа, – снова улыбнулась Мария.

– Простите, но имени его я вам пока не назову, – Елизавета гордо вскинула голову.

– И не надо, Лиза. Позвольте мне вас так называть? Пусть он будет господин N.

– Спасибо. Мария? Так? Спасибо за ваше терпение и такт. Вас мне послало небо! – гостья вздохнула, собралась с силами и начала свою повесть. – Мы познакомились два года назад, когда дома у нас была вовсе невыносимая обстановка. Случайно, на балу. Потом встретились на прогулке. Договорились ещё видеться. Это невозможно рассказать! Спу-

стя пару встреч мы оба уже понимали, что никого важнее друг друга для нас на всём свете нет и не будет больше. Мы понимаем с полуслова мысль, которую ещё не высказал другой. Мы одинаково думаем, одинаково видим и оцениваем многие вещи, мы любим одну и ту же музыку, стихи. Это как волшебство. Вы знаете, как это бывает, когда понимаешь, что по-настоящему живёшь, только, когда этот человек рядом? А всё остальное – только ожидание!

– Знаю, – тихо произнесла баронесса.

– Тогда вы поймёте меня! Он уезжал. Уезжал ненадолго и по поручению довольно обыденному – что-то о покупке дома, но не для себя, а для своих поручителей. Но меня отчего-то обуял вдруг такой страх, как будто мы расстаёмся на вечность. Он успокаивал меня, потом обнял. Потом...

– Не продолжайте! – Мария видела, что её гостя сейчас может снова сорваться в истерику. – Я сама могу представить себе, что было «потом». Я была замужем. Но, скажите... Он человек благородный? Из общества?

– Конечно! Как вы могли подумать иное! – возмутилась рассказчица.

– Тогда я не понимаю, почему бы ему не просить открыто вашей руки? Или у вас совсем не было времени? Или то кольцо, что сегодня...

– Нет-нет! Это кольцо мужское. Я носила его только на перчатку, всё боялась, что соскользнёт. Оно не залог любви, оно залог доверия между нами. Уезжая, чтобы всё же успо-

коить меня своим скорым возвращением, он отдал мне перстень – знак его статуса, который является и печатью одновременно. Он сказал, что цель его поездки – сообщить хозяину о том, что оговорённая ранее продажа не состоится и поэтому ему не потребуется скреплять никаких бумаг. Олонецкая область – это не так далеко от Петербурга. При всех дорожных случайностях мы отводили на поездку не более дней десяти-двенадцати. По возвращении я вернула бы ему перстень, а он открыл бы наши отношения всем, более не страшась никаких препятствий. «Выход всегда можно найти!» – сказал он напоследок. А вот теперь я не вижу выхода. И прошло уже три месяца. И какая-то женщина рядом с ним! – она снова зарыдала.

– Что же это за препятствие? – спросила Туреева. – Не может же быть, чтобы он был уже женат?

– Нет, – Елизавета пытливо посмотрела в лицо собеседнице, как бы прикидывая, можно ли той доверять. – Он не женат. Он – католик.

– О, боже! – выдохнула Мария и улыбнулась. – А вы, было, меня совсем уж напугали! Давайте думать в первую очередь о том, что подвластно нам сегодня. Я думаю, прежде всего, надо сообщить о вашем местонахождении домашним. Не так ли? Утром, не обнаружив вас, они могут поднять шум. Мой доктор будет хранить молчание, друг, которого мы пошлём с сообщением – тоже. За него я ручаюсь. Скажем, что мы с вами подружились и заболтались за полночь. При отсутствии

у вас постоянного круга общения, я думаю, это будет правдоподобно?

– Тем более, я надеюсь, что это уже стало правдой? Да, Мария? – Елизавета с надеждой заглянула в глаза хозяйке дома. – Благодарю! Вы спасаете меня!

– Напишите пару строк отцу и ложитесь. Завтра мы подумаем, как быть дальше.

* * *

Взяв записку, Мария собралась уходить.

– Вы не подадите мне мой ридикюль, я хотела бы привести себя в порядок? – попросила Лиза.

– Конечно! И я пришлю горничную, она принесёт вам что-нибудь, чтобы переодеться на ночь. Хотите умыться?

Де Вилье кивнула, роясь в своем дамском мешочке, что подала ей со стола Мария, и вдруг застыла в немом ужасе.

– Что? – заметила это выражение лица хозяйка. – Что ещё случилось?

– Кольцо! Его здесь нет!

– Я не видела его, – отвечала Мария. – Даже не представляю, как оно выглядит. Вы, вероятно, так быстро потеряли сознание, что не успели забрать его у магистра?

Она позвонила в колокольчик и явившимся слугам дала распоряжения и на счёт белья, и по поводу поисков кольца.

Корделаки, уже почти заскучавший за закусочным сто-

ликом, заметил поднявшийся в доме переполох. Он только успел встряхнуться, исполнившись любопытством, как из дверей спальни к нему вышла сама баронесса.

– Этот бурный день никогда не кончится! – сказала она графу.

– Согласен! Пусть он длится вечно, лишь бы быть рядом с вами, – Корделаки чмокнул руку, протягивающую ему листок бумаги.

– Сейчас не до комплиментов. Поезжайте по этому адресу, постарайтесь не напугать родственников нашей подопечной. Легенда такая – загулялись, заговорились, осталась в гостях. Ни слова об обмороке! Всё легко и этак по-гусарски. Ну, вы умеете!

– Благодарю за доверие, мадам!

Тут к ним приблизился старенький дворецкий, осколок прошлых веков и правил.

– Что там, Гаврила Никодимыч, нашли? – баронесса явно относилась к старому слуге с почтением.

– Никак нет, барыня! Весь будуар перевернули. Все залы и лестницы осмотрели. Ковры поднимали. Нет, как нет никакого кольца! Другое что – вот то обнаружили!

– Что другое? Что это? Где нашли? – хозяйка взяла протянутый ей в виде свёрнутого свитка листок бумаги.

– Записка, по всей вероятности, – докладывал дворецкий. – Вскрыть не посмели, барыня. Нашли заткнутой за колчан охальника, прости господи!

Корделаки вопросительно посмотрел на Турееву, пока она бегло просматривала строчки послания.

– Ну, это подождёт до завтра, – решила она о письме. – Вот, как всё закрутилось-то, а, Никодимыч? Что вы так смотрите на меня, Корделаки? «Охальник» – это посланник обещанной магистром Венеры, она не дремлет уже, как видите. Ступай, Никодимыч! – отпустила она слугу.

– И я посланник, и он посланник... – пытался шутить граф. – Да! События устремились бурным потоком. То ли ещё будет!

– Вы видели у подножия лестницы скульптуру? – спросила баронесса. – Это дар моего свёкра – ещё во времена его знакомства с графом Юсуповым, он упросил того снять копию. Я так восхищалась этой композицией, что он подарил нам её к свадьбе. Никодимыч называет её «срамом» и запрещает стирать пыль в вестибюле незамужним горничным, «дабы не глазели».

– Амур, пробуждающий поцелуем Психею?

– Да-да, именно.

– Вы знаете, баронесса, а в чём-то я с Никодимычем согласен.

– Ах, граф! Припомните лучше, что вы ещё молоды и полны сил!

– Ваше пожелание как-то связано с сюжетом упомянутой скульптурной группы?

– Пфуй! Что это вы сегодня пошлите, граф? – поморщи-

лась Мария Францевна. – Моё пожелание связано с тем, что вам предстоит съездить не в один, а в два адреса. Успокоив родственников мадемуазель де Вилье, вы отправитесь на постоянный двор у заставы и разбудите нашего магистра. Во всяком случае, вы должны успеть переговорить с ним до его отъезда из города, он собирался выезжать со светом, оттого и ночевал уже не здесь. Вероятно, по растерянности он прихватил с собой перстень, по которому делал предсказанье. Привезите кольцо сюда, голубчик, пока мадемуазель де Вилье находится у меня. Я вас не очень загрузила поручениями?

– Отвечу словами корнета. Я всегда к вашим услугам, мадам! – и Корделаки резво сбежал по лестнице.

* * *

Корделаки ехал верхом неспешным шагом по ночным улицам города. Отчетливо слышны были в тишине все четыре удара копыт о мостовую. Размеренный цокот стал чуть глуше, когда он проезжал по плашкоутному мосту, Васильевский остров остался позади. Ехать было недалеко – нужно было лишь миновать Исаакиевскую площадь, да свернуть в переулок. Старый собор уже разобрали, а новый только начинали возводить – кроме забора, окружающего место строительства, ничего нельзя было разглядеть.

А город оказался не так пуст, как думалось в начале пу-

ти. Вот навстречу всаднику показались редкие прохожие – двое подвыпивших мужиков что-то возбуждённо продолжали обсуждать прямо на ходу. Чуть позже Илье Казимировичу встретилась иная пара – тётка, одетая наспех, явно спроне, тащила за шиворот упирающегося подростка. Тот постоянно оглядывался, и тогда она давала ему подзатыльник. Корделаки проследил за направлением любопытствующего мальчишеского взгляда, и сам явственно увидел, что небо за домами цвет имеет гораздо светлее, чем положено ему быть в столь поздний час. Тут, вылетев у него из-за спины, со звоном промчались мимо две пожарные подводы подряд и в происхождении зарева не осталось больше никаких сомнений. «Вот же не повезло кому-то!» – с неясной тревогой подумал наш посланец, и теперь ударов копыт стало слышно лишь по два – он пустил коня рысью.

Подъехав к указанной улице, Илья Казимирович увидел нужную ему ограду – чугунные ворота её были нараспашку, вокруг стояла толпа зевак, а во дворе усадьбы де Вилье раздавались крики, валил клубами дым и царила невообразимая суета. Горели они. Посреди размеренной работы пожарной команды, бестолкового мельтешения слуг и дворовых, стоял посреди двора, застыв в неподвижности, седой, но не старый ещё мужчина и с ужасом смотрел на вырывающееся из окон флигеля пламя. Вокруг него суетилась молодая дама в накинутом на ночное одеяние капоте, пытаясь увести его в дом.

– Михель! Пойдём, ты простудишься. Всё равно ничем помочь нельзя, делается всё возможное. О, боже! Если б знать! К бесу все эти ковры и сервировку, пусть бы было, как было, – её досада явно была искренней, а не плакала она и держалась только оттого, что опасалась ещё больше расстроить своего спутника. – Жила бы с нами! Это всё я, это всё из-за меня. А так – она всё одна, да одна. Гадала, небось, как всегда, вот свечку и не затушила...

– Иди, Лизонька, иди. Я тут постою, – совершенно не слыша, что ему говорит жена, оцепенело продолжал своё наблюдение кошмара обезумевший отец. А, по всей вероятности, это был именно он.

Корделаки понял, что несмотря на трагедию, ему придётся вмешаться. Он спрыгнул с седла на землю и не дождавшись никого из прислуги, сам привязал коня к прутьям ограды – тот мог взбрыкнуть и убежать от вида огня. Корделаки решительно подошёл к супружеской паре.

– Прошу прощения за визит не ко времени, но, думаю, моё сообщение будет сейчас как нельзя кстати, – Корделаки приветствовал пару, на миг опустив голову в поклоне. – Я имею честь разговаривать с бароном де Вилье, хозяином дома?

– Что вам нужно от него сейчас, молодой человек? Кто вы? Вы видите, у нас несчастье! – молодая дама всячески защищала мужа от новых потрясений. – Вы так не вовремя! Что за дела могут быть среди ночи?

– Простите, мадам! Я не представился. Илья Казимирович

Корделаки, граф.

– К вашим услугам, граф, – продолжала диалог одна лишь мадам де Вилье, её муж по-прежнему находился в прострации. – Но, может быть, вы заедете в другое время? Пощадите нас. Неужели что-то может быть важнее и срочнее, чем... – и она перешла на шепот: – У барона там осталась дочь. Поймите же его состояние!

В этот момент к ним подбежал брандмейстер.

– Барин! Тётку какую-то вытащить удалось, – доложил он. – Тучная! Живая вроде, дышит. Угорела малость. Ты, барин, скажи – сколь народу в том здании ночует? А? Первый этаж мы прочешем, а на второй уж поздно, не обессудь, не пошлю я своих молодцов – за так сгинут. Это уж как выгорит всё, потом.

– Выгорит всё, – эхом отозвался академик.

– Михель! Михель! – схватила его за локоть и затрясла супруга. – Очнись! Кто ещё ночевал сегодня во флигеле? Вспоминай!

Она взгляделась в опустевшие глаза мужа, и, поняв, что нужны меры действенные, размахнулась и шлёпнула его всей ладошкой по щеке.

– Лизонька! Ты никогда не дралась прежде, – удивлённо обводил взглядом окружающих людей барон, постепенно приходя в себя. – Что? Что ты спросила?

– Кто там, кроме Лизы? – кратко переспросила жена.

– Так Кузьминишна, конечно. И Дашка с Глашкой. Да и

то, если в людскую не ушли, как барышню уложили. Более никого не должно быть.

– Кузьминишна – это старая няня, её вы и спасли, – чётко докладывала мадам де Вилье пожарному. – Ищите, ещё две горничные девушки. И сама хозяйка, – тут она прикусила губу и почти расплакалась.

– Девицы две при входе, в первой комнате, говорят, сидели, ждали чего-то. Да задремали. Собака с ними ещё была, кудлатая такая. Всё тявкала, говорят, она их и разбудила. Все сами спаслись, выбежали сразу, как сверху потянуло. Напуганные режут там... А, хозяйка... Спальня-то на втором? – тихо спросил он.

Баронесса кивнула, старый пожарник только зажмурил глаза. Тут Елизавета де Вилье разрыдалась, больше себя уже не сдерживая. Её муж, вернувшийся в разум, тоже понял этот молчаливый диалог, и сейчас должно было последовать что-то ещё более ужасное, но тут вмешался Корделаки.

– Господа! Выслушайте меня, это важно! Барон! Ваша дочь не ночевала во флигеле. Да вы понимаете меня? Слышите?! Её нет во втором этаже. Её вовсе тут нет сейчас. Вот письмо. Она собственноручно писала его на моих глазах с час назад. Живая и невредимая!

* * *

Над водой стелился туман, и робкий городской рассвет

крался по улицам и площадям вслед за скачущим к окраине всадником. Корделаки до сих пор улыбался, вспоминая, как ему удалось вырваться из многострадального дома де Вилье, где сегодня ужас сменился случайной радостью, и откуда его никак не желали отпускать, считая посланником высших сил. Дочь в записке просила прощения у отца, за то, что без спросу посетила вечер баронессы. Она оправдывалась тем, что, зная пренебрежительное отношение всех домашних к её пристрастию к гаданиям, не посмела тревожить их просьбой сопровождения. И что любезная хозяйка оставила её гостить до утра. Мачеха прославляла своеволие падчерицы, а отец обещал поставить пудовую свечу за здоровье баронессы и той гадалки, что выманила его дочь в роковой вечер из дому. Только это обстоятельство и позволило графу выскользнуть из благодарных объятий де Вилье – он объяснил свою спешку визитом к той самой гадалке, то бишь – гадателю, и был с благословениями отпущен.

Подъехав к постоялому двору, одновременно исполняющим и роль первой почтовой станции, граф увидел не свойственное такому раннему часу скопление народа перед входом. Различив полицейские мундиры, он дал себе слово больше ничему сегодня не удивляться. Здесь тоже явно что-то произошло или происходило в данную минуту. Корделаки спешил и пожелал войти, но был остановлен приставом и с пристрастием допрошен о цели визита. Граф лишь усмехнулся в ответ, напомнив, что не обязан отчётом, но может на-

звать постояльца, к коему имеет личное дело. Должностное лицо приняло доводы, но услышав имя и звание магистра, вместо того, чтобы успокоиться и пропустить случайного посетителя внутрь, округлило от возмущения глаза, а потом и щёки, засвистев в казённый свисток. Сбежались низшие чины, и Корделаки был задержан. «Тьфу, ты, неладная! – думал он, пока его под руки вели к начальнику. – Что ж за силы разбудил магистр своим гаданием, что они даже к нему самому дорогу застилают непонятного рода препятствиями?»

Начальником оказался знакомый Илье Казимировичу генерал, что само по себе вызывало разного рода недоумения. Сам обер-полицмейстер? В пять утра? По гостиничной краже поднят?

– Ну, слава богу! Хоть один вменяемый человек нашёлся, – обрадовался Корделаки. – Приветствую вас! Надеюсь, вы мне объясните, дорогой Кондратий Львович, что здесь происходит?

– Нет, это я попрошу вас, молодой человек, объяснить мне причину вашего визита сюда. И сдать мне все письма или иные послания, буде такие у вас найдутся! Добровольно. Дабы не подвергаться обыску, – генерал был строг и суров, и знакомства своего никак не объявлял.

– С ума, что ль съехали все в этом городе? – Корделаки, не дождавшись приглашения, сам сел на стул у стены и заложил ногу на ногу. – Кондратий Львович! Вы же несколько часов назад изволили сражаться со мной в картишки на

вечере у баронессы Туреевой? Ваши же дочь с супругой изволили мне вчера полчаса излагать историю вашего путешествия в первопрестольную! Что переменялось? Что за тон вы взяли нынче, дорогой обер-полицмейстер? Да! Сегодня явно странная ночь!

– Вы, видимо, не представляете насколько, молодой человек! – пожилой генерал промокнул платком испарину на лбу. – Подняли чуть свет! Меня! Извольте сказать без выкрутасов, что за дело у вас до московского магистра философии? Ведь именно им вы интересуетесь?

– Им интересуется одна дама, – снизошёл Корделаки до ответа не вполне выпавшемуся генералу. – А я всего лишь её посыльный.

– И что это за послание? Прошу передать его мне сейчас же! – генерал протянул руку. – И назовите имя пославшей вас дамы.

– Генерал! – граф порадовался, что Туреева не написала никакой записки магистру, а то ведь ещё и впрямь обыщут того и гляди. – Надеюсь, вы понимаете, что требуете невозможного? А послание – это вопрос. Но вам его тоже знать незачем. Что здесь, чёрт возьми, происходит?

– Да сядьте, сядьте, голубчик, – генерал утомился и понял, что ничего не добьётся таким образом. – Я, надеюсь, могу доверять вам, сударь! Происходит то, что кто-то сегодня уже задавал вопросы нашему приезжему гостю. Раньше вас. Причём с пристрастием. У него проломлена голова, а весь номер

перевёрнут вверх дном. Так-то, молодой человек...

– Этого не может быть! – Корделаки, действительно, ожидал чего угодно, но не этого. – Это вы мне роман какой-то цитируете! Мы всё-таки в цивилизованное время живём, в столице! Деятнадцатый век на дворе! Какой допрос с пристрастием? Это гостиница! За стеной люди. Что ж, никто ничего не слышал, что ли?

– Никто. Ничего, – отвечал понурый генерал. – Помогите, голубчик! Может ваше поручение как-то связано с нападавшими? Что произошло с того времени, как мы все разъехались от баронессы? Кстати, я отсюда поеду к ней, возможно, что-то кроется во вчерашнем её последнем сеансе для узкого круга. Ба! Да ведь вы были и там? Ну, рассказывайте, рассказывайте!

Илья Казимирович понял вдруг, что ему сей же час нужно защитить не только саму пославшую его Турееву, которая и так очень близко оказалась к происшествию, но и недомогавшую гостью, которую полиция может застать у баронессы и привязать к расследованию. А ещё и этот пожар! Нет. Слишком много всего накручено, чтобы подвергать подозрению и опасности слабых женщин. Сначала он должен сам во всём разобраться.

– Так магистр убит? – вопросом на вопрос ответил он генералу.

– Жив. Но очень плох, его уже увезли, надо было срочно оперировать. Но надежда есть, говорят. Нашли скоро –

не успел истечь кровью. Без сознания, конечно, опросить не представляется возможным. Но, может быть, через пару-тройку дней...

«Тогда тем более!» – про себя подумал граф, а вслух сказал:

– Боюсь, я в этом вам вовсе не помощник, простите, генерал. Я знаю о вчерашнем вечере столько же, сколько и вы. А про мои ночные переговоры с дамами, ещё раз простите, но я ничего доложить вам не могу, уж будьте любезны понять. Заверяю вас только, что до отъезда магистра был уполномочен сделать у него одно забытое уточнение по предсказанию. Чисто женское любопытство, ничего более! Писем не имею – всё на словах, ибо пустяк. Но во всём остальном располагайте мною по вашему усмотрению, генерал! Я сейчас спешу в город, у меня там ещё одна встреча. Вы здесь надолго? Может что-то надо отвезти или передать? Вы ведь не станете меня задерживать?

– Не стану, голубчик, – генерал снова вздохнул. – И сам знаю вас неплохо, да и вы, если бы не дай бог и замыслили что-либо, вряд ли стали назначать ещё одну встречу так подряд. Видимо, вы действительно заскочили сюда на минутку. А посыльных у меня хватает, благодарю. Ступайте, не держу вас более. Да и... Да и ограбление тут причиной, скорей всего. Все драгоценности исчезли – даже с рук все перстни снимали. Ах, злодеи! Давно такого не припомню. Позорят мой город!

Корделаки говорил генералу и правду, и неправду одновременно. Никакой встречи у него назначено не было. Если не считать того, что в любом случае он должен был утром посетить дом Туреевой, выполнив её поручение. Просто обстоятельства позволили ему перенести этот визит на столь ранний час. Что уж теперь! Он гнал Вулкана галопом, чтобы успеть предупредить баронессу, её гостью и что-то решить до приезда полиции.

Вдруг впереди он увидел такие же клубы пыли, какие и сам оставлял за собой – кто-то съехал с городской мостовой на просёлочную дорогу, ведущую к заставе. В совпадения граф после прошедшей ночи верить был не склонен и посчитал так спешащего верхового путника хоть каким-то образом, а связанным с давешним нападением.

– Стойте! – закричал он всаднику, поравнявшись с ним. Тот послушался. – Не сомневался, что увижу знакомое лицо! Приветствую, князь! Не поделитесь ли вашим интересом к столь ранним прогулкам? Уж не к нашему ли магистру так спешите вы в рассветный час?

– Приветствую и вас, граф! – отвечал Нурчук-хаир. – По вашим словам и выражению лица догадываюсь, что я опоздал. Он хотя бы жив?

– Даже так! – не желая открывать свои карты, насмешливо

отвечал Корделаки. – Вы могли предвидеть нападение? Уж не вы ли его и организовали?

– А сейчас скачу в одиночестве проверить результаты? – не обидевшись, расхохотался кайсак. – Нет, граф. Наоборот, я ехал предупредить, а может и сопроводить магистра на пути. Но я непозволительно долго складывал в уме одно с другим, и меня опередили.

– Кто, если не секрет? И что такое вы складывали? Простите, не посчитайте за пустой интерес, но здесь замешана...

– Дама! – снова смеялся князь щёлочками своих пронзительных глаз. – Да не одна! Вы мне симпатичны, граф. Не могу сказать всего, ибо это действительно секрет. Но я вчера мельком видел то кольцо, что держали в руках последовательно одна из гостей, а потом и наш маг. Если с ней всё в порядке, то, вероятно, я на ложном пути. Но я очень близок к мысли, что у магистра побывали именно почитатели кольца. Если, конечно, это то кольцо, о котором я думаю, хотя оно вряд ли могло оказаться в женских руках. При случае спросите у молодой дамы в лиловом, не было ли на том перстне похожего знака? – и князь достал из-за пазухи вчерашний медальон. Теперь Корделаки смог тщательно его разглядеть. – Прошу вас, граф, если вам станет что-либо известно по данному поводу, вспомните про меня! Во-первых, вы не понимаете, куда вас могут завести эти тайны и знаки. А я более осведомлён и мог бы, не раскрывая сути, помочь вам избежать лишних опасностей. Во-вторых, никогда не поме-

шает ещё одна сабля или пистолет. А я свободен и готов к путешествиям и приключениям. Особенно в такой компании, как вы, граф. Ну, и в-третьих, я искренне предлагаю вам дружбу.

– Благодарю.

Так как князю больше нечего было делать на заставе, они вместе вернулись в город. Расставаясь, князь ещё раз напомнил:

– Жду известий от вас по своему городскому адресу сегодня до полуночи. Потом вынужден буду покинуть город по делам. Но намерен вернуться к первому осеннему маскараду.

– Как, уже назначен один из традиционных восьми? В Зимнем дворце, так рано? Или в Гатчине? – поинтересовался Корделаки. – Не слышал. Жаль.

– Нет, на сей раз в Петергофе, – отвечал Нурчук-хаир. – Но повод тот же – сборы для наших славных воинов. Я, знаете ли, вхожу в число устроителей. Ловим, так сказать, последние тёплые деньки. Это будет через десять дней. Если не произойдёт ничего тревожного раньше, то прошу отыскать меня там, я пришлю вам приглашение на два лица. Меня вы сможете узнать по маске Арабского Принца. Вы успеете подготовиться, граф?

– Благодарю за приглашение! Я думаю, что какой-нибудь из прежних костюмов мне ещё в пору! Я раньше частенько отдавал дань подобным развлечениям.

Они раскланялись, не сходя с коней, и разъехались в разные стороны. Корделаки устремился к особняку Туреевой и потом долго стоял у запертых ворот – в приличном доме никто не вышел на звонки в такую пору. Отъехав от центрального въезда за угол, дабы не привлекать внимания, Корделаки стал осматривать забор и нависшие над ним ветви деревьев. Благородное животное снова оказалось привязанным к чему придётся, уже второй раз за ночь. Возмущённый таким обращением Вулкан заржал и попытался встать на дыбы. Но хозяин похлопал его рукой в перчатке по могучей шее и что-то прошептал на ухо. Конь согласился подождать. Корделаки, вспомнив гусарские годы юности, встал ногами на седло успокоившегося скакуна и разом перемахнул через широкую каменную ограду. Уж на стук-то в стекло боковой двери тут же вышел слуга! Им оказался заспанный Никодимыч в лирее, накинутой на исподнее и со свечой в руке.

– Господин дворецкий, отоприте! – сквозь стекло взывал граф. – Я с поручением был послан вашей мадам. Срочно доложить надо, не терпит!

Старик неодобрительно покачал головой, но дверь отпер. Предупреждая старческое ворчание, ранний гость сдвинул брови и огорошил старика вопросом:

– Служилый?

– Так точно! – от неожиданности отрапортовал Никодимыч.

– Звание?!

– Отставной ротмистр лейб-кирасирского Её Величества полка! – старый вояка решил уточнить: – Ныне – лейб-гвардии Кирасирский полк. Тяжёлая кавалерия, да... Да мы с генерал-поручиком Туреевым ещё...

– Никодимыч! – граф положил руку на плечо преданного слуги. – Ничего не спрашивай, сам пока не разобрался. Но лошадей готовь! Вели – и верховых, и дорожную карету, по обстоятельствам. Так, чтоб барыня в любой момент отбыть могла. Понял меня?

– Так точно! – вытянулся во фрунт дворецкий.

– Ну, иди, буди барыню.

– Да уж вы со своим конём сами, кого хочешь разбудите!

Приветствую вас, Корделаки, – хозяйка собственной персональной спускалась со второго этажа, одетая по-домашнему, но с изысканной тщательностью.

– Вы великолепны в любое время суток, дорогая Мария Францевна! – восхищённо оглядывал её граф.

– Гаврила Никодимыч, будь любезен – вели коня графа во двор перевести, а нам кофе пусть в библиотеку подадут. Ступай, – и она указала графу рукой на соседнее помещение. – Прошу присаживаться. Привезли? Давайте.

– Это библиотека? – с удивлением осматривался, ранее в первом этаже нигде не бывавший гость.

– Да, я наслышана, – с улыбкой отвечала Туреева. – С вашей, по всей вероятности, не сравнить? Говорят, у вас по лестницам надо подыматься, чтобы добраться до верхних по-

лок. Так ли это?

– Да, знаете, я привык несколько к иному под тем же названием. Но наше собрание книг имеет столь давнее начало, что...

– Вы как будто оправдываетесь там, где нужно гордиться, – остановила его Туреева. – Не стоит, граф. Лучше покажите мне её при случае.

– Всенепременно!

Тут горничная принесла поднос с кофе и свежими булочками, и от их запаха Корделаки понял, насколько он голоден. Ведь ужина у него так и не случилось. Он сглотнул слюну.

– Милая, попроси на кухне приготовить что-нибудь побыстрому, наш гость голоден! – сказала девушке хозяйка.

– Нет-нет! – стал отказываться Корделаки. – Спасибо, но всё потом. Вы сами поймёте сейчас, что времени очень мало. Не до еды.

– Агаша! Тогда просто хлеба и холодного мяса, или что там осталось от ужина. На это времени вовсе не надо, сама, даже не проси кухарку, – всё-таки велела баронесса горничной, и та, кивнув, убежала. – Ну, так что?

– Новости невесёлые, милая баронесса. Через час или даже ранее у вас тут будет полиция с дознанием. Я уж подвергся. После вчерашнего сеанса начались дела больно уж ковыристые! И хотелось бы мне свалить всё на матушку вашего «охальника», но испытываю твёрдую уверенность, что скорее человеческими стремлениями объяснится это впослед-

ствии. Магистр без сознания после нападения на него неизвестными. Ограблен. Кольца естественно нет. У вашей протеже дома переполох – дотла сгорел флигель, где она изволила ночевать последнее время. Все живы, слава богу. Не удивлюсь, если и там ограбление окажется. Сдаётся мне, что сие кольцо тому причиной. Что думаете по этому поводу?

– О, боже! – даже баронесса с её невозмутимой трезвостью ума и восприятия, оторопела. – Может быть, совпадение?

– Ну, гадайте, гадайте. Сейчас генерал прибудет, так вместе погадаете. И про вчерашнее предсказание на сеансе подробно ему доложите. Кто, что, кому. Отчего обмороки, грабежи и пожары у ваших гостей так внезапно случаются.

– Ох! Про неё-то я и не подумала! – нахмурилась Турева. – А что магистр, плох?

– Пока неизвестно.

– Что же нам делать? – совсем растеряно спросила баронесса.

Такой её граф не видел никогда и только сейчас понял, насколько её порывистость и целеустремленность были результатом характера, а не природы. Ему хотелось сейчас защищать и оберегать её, как маленькую девочку.

– Я думаю, самое лучшее – уехать куда-нибудь, хоть на пару дней, – мягко посоветовал он. – Бог даст – магистр оправится и опишет своих мучителей, тогда хоть ясно станет с какой стороны идёт беда. А так только вас потревожат, да

ваших гостей вчерашних.

– Хорошо. Хорошо! Это вы умно решили, Корделаки, – Туреева закусил губу, что-то прикидывая в уме и постепенно становясь собою прежней. – Отвезите барышню де Вилье домой. Не могу вам открыть всего, что она рассказала мне нынче, но просто поверьте мне и постарайтесь не волновать её понапрасну. Ночное происшествие у них дома скрыть, конечно, не удастся, но как-нибудь помягче донесите. Пусть съездит, успокоит домашних, соберёт кое-какие вещи. Я увезу её вечером в имение. Думаю, её близкие согласятся – подальше от потрясения, да и жить ей вовсе негде теперь. Или снова с ними, или всё равно куда-то переезжать. Пусть привыкнет пока. Я напишу письмо барону.

– А как же вы? Как же полиция? Не хотите ли уехать немедленно?

– Так я не бегу ни от кого, Корделаки, – уже придя в состояние собранного спокойствия отвечала баронесса. – Отвечу на все вопросы. Я предупреждена, теперь спокойна – спасибо вам за это. Не беспокойтесь за меня. И вы, верно, забыли о записке, присланной мне таким загадочным способом? Хотя её и передал Амур, она, не удивляйтесь, от дамы. Мне надо будет сделать визит до отъезда. Ну, вот, Корделаки. На этом мои поручения к вам завершены. Будьте свободны, я очень вам благодарна за помощь.

Граф отвёз мадемуазель де Вилье домой, ещё раз выслушал восторги и благодарности её родных, помог ей уговорить

их на поездку с баронессой в деревню и совершенно опустошённый вернулся наконец к себе домой. Он так устал, что не хотел уже ни есть, ни спать. В разгар дня он вышел на балкон второго этажа, откупорил бутылку «Вдовы Клико», напиток, который он уже лет пять, с момента его появления в России, предпочитал всем остальным. За белыми балясинами балюстрады виднелся пышный сад. Прямо как был, в сапогах, Илья Казимирович прилёг на оттоманку, отпил из бокала и стал смотреть на последние летние лучи солнца, пронизывающие только ещё начинающую желтеть листву. Постепенно дремота сморила его.

А когда граф проснулся от вечерней прохлады, то всё произошедшее с ним прошлой ночью показалось ему далёким или даже как будто придуманным. Жизнь приняла свои привычные очертания. Больше ничего особенного не происходило, и через несколько дней он, как и намеревался, отбыл в соседнюю губернию в назначенную ранее деловую поездку. Там граф и вовсе заскучал, а возвращаясь, вспомнил о новом своём знакомстве и свернул в усадьбу Куницыных, попавшуюся ему на пути.

* * *

И вот он сидел за столом в саду, первые опадающие листья планировали прямо в вазу с огромными краснобокими яблоками и иногда с лица приходилось стирать прилетавшие

невесть откуда невидимые нити паутины. Куницыны-старшие потчевали его наливками, обед накрывался в доме и оттуда тянуло различными аппетитными запахами, царствовал над которыми аромат кулебяки. Тут граф и задал вопрос о вдове, не к месту припомнив вдруг свои чувственные мечты о деревенских радостях. Старики заверили, что невестка их выйдет к гостю обязательно, просто сейчас надо было распоряжаться приготовлениями в доме, а все хозяйственные дела она сегодня взяла на себя. В голосе их, наперебой нахваливающих вдовушку, сквозила почти родительская гордость, как будто речь шла не о зрелой женщине, а о повзрослевшей внезапно дочери.

И вот подали обед, за ним неспешная беседа продолжилась на темы мирные и непорочные. После гостю показывали дом и сад, затем последовал неременный самовар – чай, пышки, варенья. Деревенская неспешная жизнь, как ребёнка за руку плавно подвела их всех к голубым сентябрьским сумеркам. «Небось, они тут и спать с курами укладываются, – подумалось городскому гуляке, у которого с темнотой только и начиналась активная часть светского общения – рауты, вечера, визиты. – Об этом я как-то не подумал...»

– Как нам с невесткой-то повезло! – искренне радовалась Харита Всеволодовна. – И с нами поговорит, и новостей принесёт. И по дому – такое мне облечение!

Илье Казимировичу нравилось, как слушает панегирики сама Амалия Модестовна. Она не смущалась, не тушевалась,

но и не вела себя, как отчаявшаяся девица на выданье, нарочито демонстрируя все свои достоинства сразу. Она была спокойна и невозмутима, изредка улыбалась старикам, не мешала им продолжать свои хвалы, как бы пережидая неизбежное. Этим она неуловимо напомнила Илье Казимировичу баронессу, умевшую всегда сохранять позицию чуть насмешливого наблюдателя, которая очень импонировала вкусу графа. Только у Кунициной не было и налёта той городской жёсткости, что незримо сопровождает самую нежную деву среди толпы созерцателей и ценителей. Как маска, как панцирь, как доспехи. Нет. Здесь в сгущающемся сумраке деревенской тиши такое доверительное поведение казалось единственно возможным, самым верным и природным. Это разоружало, и расслабляло, и окутывало...

– Да! Амалия Модестовна своим согласием жить с нами скрасила стариковскую скуку. Но и сама она молодец, не киснет. В губернском собрании видную роль играет, во всех благотворительных вечерах деятельное участие принимает, сборы организует, ведёт жизнь общественную, бурную, – нахваливал вдову и деверь. – Всё-то они там спорят, или музицируют, или прогулки для общества устраивают. Так что и нас, стариков, бывает прихватывают.

– Вот как! – искренне заинтересовался граф губернскими развлечениями. – А что это за прогулки? С выездом каретами или пешие? Так называемые пикники? А что ж, когда лето кончится?

– Да по-разному бывает, – ответила сама вдова. – Если без малолетних деток, то бывает, что и конные.

– Как! – граф слегка покраснел, потому что в уме своём посчитал склонную к полноте Амалию Модестовну к седлу непригодной, а теперь боялся обнаружить это в беседе. – Вот бы знать, что вы выезжаете, так мы могли бы ещё днём осмотреть окрестности верхом.

– Это не поздно будет сделать завтра, граф? – вдова спрашивала, как бы между делом, совершенно не жалея об упущенном. – У Павла Семёновича великолепная конюшня, право слово! Есть из чего выбрать.

– Сожалею, но с рассветом вынужден буду отбыть в город, – графа ничто не подгоняло, но какой-то внутренний голос подсказал ему нынче эти слова. – Только ваше непревзойдённое радушие и гостеприимство, дорогие хозяйева, позволили мне свернуть с пути. Но дела – есть дела! А хорошенького понемножку!

– Тогда едьте сейчас! – Амалия Модестовна решительно встала. – Дорогой Пал-Семёныч, брать ли с собой дядьку Касьяна или пусть спит?

– Да ты, душенька, сама тут каждый кустик знаешь уже. Хоть в ночное со всем табуном посылай. Не трогай старика. Я прикажу, так Филька сам взнуздает. Тебе Липку седлать? А вам, граф, подобрать что-нибудь из одежды?

– Да у меня с собой всё есть. Почиститься бы только! – у Ильи Казимировича загорелись глаза от перспективы даже

простой верховой прогулки. Всё будет, чем занять себя до сна!

Ему выделили комнату и камердинера. Через полчаса он был готов и вышел к конюшням. Амалия Модестовна уже сидела в седле, под ней гарцевала, как успел заметить взглядом знатока граф, довольно резвая кобылка. Гнедая масть её отдавала чуть в розовый оттенок, который присущ резным изделиям из липовой древесины. А, возможно, это лишь показалось графу в заходящих лучах пурпурного заката и было лишь плодом его воображения. Ему же предназначался конь мастью темнее и гуще, выносливый и лёгкий в поводе. Граф с Амалией Модестовной миновали подъездную аллею и скрылись за листвой придорожного кустарника. Старики остались коротать время за чаем одни.

* * *

– Скажите, кличка лошади как-то связана с её мастью, милая Амалия Модестовна? – спросил граф, чтобы как-то завязать беседу.

– Да, этот оттенок – гордость конюшен Пал-Семёныча, он устойчиво прослеживается уже в третьем поколении, – отвечала ему Амалия Модестовна.

– То есть можно говорить о собственной породе? – спросил граф. Куница, не ответив, улыбнулась. – А чем ещё развлекается ваш родственник в то время, пока вы ведёте та-

кой бурный образ жизни?

– О! Не применяйте к нему столь снисходительный тон, – улыбаясь, ответила вдова. – Вы не смотрите на его кажущуюся приверженность своему возрасту. Пал-Семёныч только и открыл мне радости бытия, при муже-то я жила гораздо спокойней и тише. Только сейчас я начинаю полностью наслаждаться всем тем, что есть вокруг, и тем, что я есть сама. Пал-Семёныч обычно ведёт активную переписку, к нему бесконечно ездят какие-то порученцы. Просто сегодня выдался такой вечер. Вы застали нас за расслабленным отдохновением, граф. А так – тут всё кипит порой. Пал-Семёныч даже завидовал нашему с мужем жилищу и всегда нахваливал его уединённость. Не то, что здесь! Хотя наше имение и располагалось гораздо ближе к городу. Но, скажите, как вам Магистр? Это я выбрала его для вас.

– Он великолепен! Благодарю.

Граф любовался темнеющей листвой, благородным животным, несущим его по незнакомой дороге, своей спутницей. Сев в седло, Амалия Модестовна вдруг преобразилась. Если полнота при ходьбе делала её движения несколько плавными и даже медлительными, то верхом вид её стал уверенным, движения точными и стремительными. «Вот, что значит – жена офицера, хоть и бывшая!», – подумал граф.

– А куда ведёт эта аллея? – спросил Корделаки.

– К реке! Желаете осмотреть? Там нынче тихо...

Они свернули и через десяток минут неспешного ша-

га оказались на берегу. Тьма стала уже почти непроницаемой, от воды шёл лёгкий туман, поверхность реки казалась недвижимой.

– Хотите развести костёр? – тихо спросила Амалия графа, и ему в ту же секунду показалось, что они перенеслись в какой-то неведомый мир, где даже голоса звучат по-иному.

– Мне кажется, огонь не слишком угоден жителям той страны, куда вы завлекли меня, чаровница! – Граф похлопал себя по карманам. – Да это было бы и довольно затруднительно, так как у меня нет с собой кресала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.